СЕРГѢЙ АЛЫМОВ

КІОСК НѢЖНОСТИ

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XVII

Salamandra P.V.V.

Сергей
АЛЫМОВ

КИОСК НЕЖНОСТИ

Стихи

Salamandra P.V.V.

Алымов С. Я.

Киоск нежности: Стихи (Факсимильное издание). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 160 с. – (Библиотека авангарда, вып. XVII). – PDF.

С. Я. Алымов, которого принято называть «советским поэтом-песенником», оставил яркий след в истории русского литературного авангарда на Дальнем Востоке и в Китае. В настоящей книге впервые переиздается его первый поэтический сборник «Киоск нежности», вышедший в Харбине в 1920 г. В разделе «Статьи и воспоминания» собраны некоторые биографические материалы о поэте.

КИОСК НЕЖНОСТИ

Сергѣй Алымовъ.

Кіоскъ нѣжности.

Стихи.

1920.

Генри—

Тебѣ послѣдней и Первоначальной, чьи смарагдныя тенета благословляю нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, эту книгу съ глубокой нѣжностью приношу.

РАЗБРЫЗГЪ.

РАДУГА ДНЕЙ.

Дюла Талошъ, самому тонкому эротику послѣ Бердслея.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Понедѣльникъ это—денди съ синевою подъ глазами.
Понедѣльникъ—тонкій мальчикъ, знавшій спальню королевъ,
Для котораго баллада умерла въ мѣщанской драмѣ.
Сталъ ты синимъ, понедѣльникъ, ночь алойно проалѣвъ!

Равнодушье и усталость тяжелятъ твои рѣсницы.
Сколько выпитыхъ бокаловъ, разбутонившихся устъ!..
Но увяли поцѣлуи и прочитаны страницы,
Широко зѣваетъ кубокъ, что стоитъ, какъ сердце, пустъ...

Королевы ласки—сказки!.. Королевы ласки—небо!
Но на утро королева стала буднично живой.
Понедѣльникъ! Ты портретишь меланхолію эфеба
Съ грустью взоровъ догорѣвшихъ, окаймленныхъ синевой.

ВТОРНИКЪ.

Во вторникъ мнѣ грустно, что я потерялъ понедѣльникъ...
Во вторникъ мнѣ грустно, что женщинъ не зналъ я вчера.
Себя укоряю: несносный, мечтальный бездѣльникъ!..
Ну, можно ли грезѣ и скукѣ дарить вечера?!..

Во вторникѣ много весенней, танцующей лѣни...
По вторникамъ, въ сердцѣ—желанье фіалкой цвѣтеть,
У дѣвушекъ нѣжныхъ дрожатъ безпричинно колѣни
И женщины хрипло гадаютъ: «онъ скоро ль придетъ»?!

Во вторникъ, всегда, примитивны влеченья эстетовъ.
Во вторникъ, лобзанья обиліемъ спорятъ съ дождемъ,
По вторникамъ, чуткія дамы не носятъ корсетовъ
И страсти, во вторникъ, не скажетъ никто: «подождемъ»!..

СРЕДА.

Въ среду—испанка... Ахъ, въ среду—испанка!..
Крики... Царапины... Ласки оранжевы.—
Съ варварскимъ свистомъ играетъ шарманка.
Шепотъ: «Смѣшной, не умрете отъ ранъ же вы»!?

Въ черепѣ—печь... Кто то жаритъ каштаны...
Складки простынь изкошмарены Гойя.
Золото дыни и тѣла гитаны,
Пляшущей въ темной тавернѣ нагою...

ЧЕТВЕРГЪ.

Четвергъ—голубой шевалье,
Измявъ безупречныя брыжжи,
Смыкаетъ смарагдо—колье
На шеѣ красавицы рыжей.

Потомъ, голубой променадъ
Въ рѣзномъ, золотомъ паланкинѣ...
Потомъ—возвращенье назадъ
И чай въ надушенной гостиной...

Варенье изъ розъ, марципанъ...
Ликеръ изъ цвѣтовъ незабудки,
И, вотъ ужъ, альковный капканъ
Поймалъ голубую малютку.

Уродливый снятъ кринолинъ...
Разсыпался жемчугъ подвязки...
Въ четвергъ—у самихъ Мессалинъ
Тоска по сапфировой ласкѣ.

ПЯТНИЦА.

Зеленые глаза—очарованье пятницъ.
Зеленые глаза у женщинъ изъ огня...
Зеленые глаза мечтательныхъ развратницъ,
По пятницамъ я—вашъ, зеленымъ зовамъ внявъ!..

Абсентные глаза—иллюзія Парижа!..
Двѣ рюмки красоты въ которыхъ—изумрудъ.
По пятницамъ, душа всегда къ Уайльду ближе...
По пятницамъ, въ душѣ—желаніе причудъ.

По пятницамъ нѣтъ силъ уста къ устамъ при-
близить,
Преподнеся любовь въ простѣйшей изъ оправъ;
Страсть въ пятницу нельзя естественнымъ унизить...
Въ гашишный этотъ день одинъ эксцентрикъ
правъ!

СУББОТА.

Суббота—желтый плащъ на будняхъ
Изъ шелка, знавшаго Египетъ.
Въ субботу сильному не трудно
Медаль изъ жизни звонко выбить.

Въ субботу хочется топазы
Тигриныхъ глазъ всѣмъ сунуть въ кольца...
И видѣть дѣвъ подъ жаркимъ газомъ,
Зажегшихъ сумракъ богомольца.

Въ субботу хочется смѣшенья
Порядковъ жизни въ игръ безпечность,
Чтобъ, бросивъ радости мгновенье,
Сейчасъ же вынуть безконечность!

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Воскресенье—красный кардиналъ.
Гейзеръ ослѣпительнаго рдѣнья,
Подносящій радостный фіалъ,
Алаго, какъ пурпуръ, наслажденья.

Воскресенье—царственность грѣха,
Подъ трезвонъ всей бронзы Ватикана.
На кокотки бѣлые мѣха
Падаетъ багряная сутана...

Воскресенье—летъ колоколовъ,
Что парятъ надъ иноками, рдѣя...
Воскресенье—схимница Ланило
Съ алою, какъ сердце, орхидеей.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Новый Годъ пришелъ—малютка бѣлый...
Новый Годъ стучитъ колчаномъ въ дверь
Новыхъ грезъ.—Душѣ осиротѣлой
Говорю: „небывшему—повѣрь"!

Всѣ сковались змѣйнымъ серпантиномъ...
Итальянецъ арію поетъ.
Новый Годъ къ несозданнымъ картинамъ
Зоветъ.

У моей сосѣдки пукъ вербены
На вербенной грѣется груди...
На тарелкахъ—снѣгъ шампанской пѣны
И любви бураны впереди...

Новый годъ начну я новой страстью...
Новый годъ открою новымъ я.
Женскихъ устъ карминится причастье...
Не любовь ли мудрость бытія?!.

Новый Годъ—амуръ въ собольей шубкѣ,
Въ колпакѣ изъ ландышей и розъ.
Ты невидимъ,—и сосѣдку въ губки
За тебя цѣлую я въ засосъ.

А она въ отвѣтъ бедромъ шуршащимъ
Прикоснулась радостно ко мнѣ...
И ботинкой узкою все чаще
Говоритъ о пламенной веснѣ...

Новый Годъ, тебѣ я благодаренъ...
И сосѣдки ножку я пожалъ,
Въ знакъ того, что скоро въ будуарѣ
Страсть вонзитъ восторженный кинжалъ!.

ФІАЛКОВАЯ СИМФОНІЯ.

Віольно-віолетовой Віолѣ—Люлю.

I. ИНТРОДУКЦІЯ.

Віолѣ віольной, Віолѣ фіалковой...
Віолѣ Шопенной, шаблисто-кларетовой,
Не нашей, нездѣшней; очащей русалково,
Гобои и скрипки симфоны поэтовой.

Тебя обнимая мечтою браслетовой,
Слѣжу твою поступь качельную, валкую
Ты ходишь матчишно, порой менуэтово
И кажешься, мытой въ токайскомъ, фіалкою.

Тебя называю за губы коралкою.
Зрачки у тебя, какъ весна, фіолетовы,
Ты ритмила грезы Бодлеро-качалкою
Оча, на концертѣ въ поэта, стилетово!

И пѣла Віола віол-віолетово...
И пѣли віолы Пармической прялкою,
И пѣла душа, колыхаясь эгретово,
Въ віольный гамакъ западая съ фіалкою.

II. ANDANTE IN MODO DI CANZONA.

Улюлюкали флейты, какъ въ поляхъ колокольчики,
Зазывая томительно: «улю-лю, улю-лю...»
Надъ головкой остриженной завились ореольчики
Надъ головкой остриженной королевы Люлю...

Ахъ, Чайковскаго странная арабеска Четвертая!.
Сколько разъ тебя слушаешь и всегда ты—экстазъ.
Зыбно море миньонное и андантю у борта я
Среди звѣздъ найти думая двойники ея глазъ.

И звенятъ колокольчики, малыши-колокольчики
Голубые, наивные, вырѣзные цвѣты...
Мандолинныя дѣточки, голубые мандольчики
Флейты ландышно-шорохны; ну, а шорохна ль ты?...

Ты какъ будто отишилась, ставши флейтно-мечта-
тельной;
Мой гамэнъ, предлагающій пряныхъ ласкъ «Фигаро»;
И твой профиль камеится, какъ волторна вздыха-
тельный,
Въ долорозную грустницу превратился Пьеро...

Финьшампанная музыка... она всѣхъ убаюкала...
Задремала задорная *Никого-не-люблю;*
А гашишныя флейты славословье люлюкали.
И хваленье двухсложное было имя: Люлю...

III. SCHERZO PIZZICATO.

Съ віолино-віолетовой Віолой,
Что овыдрила покатость скатныхъ плечъ,
Я хотѣлъ бы раствориться въ баркароллѣ
И въ бассейнъ чайковской музи флейтно лечь.

Я Віолой окрестилъ ее за малость
За капризный тѣла звонкаго извивъ,
И за устъ ея Амброзіовоалость
Этой алости романсовой не пивъ,

И когда впивались въ нервы скрипокъ жала,
И когда стегалъ эмоціи гобой,—
Віолетная Віола взоръ встрѣчала
И качала предначертанной судьбой.

И когда журчали флейтные фонтаны
И когда кларнета искрилъ звукометъ,
И гудѣли мѣднотрубные платаны,
Я сказалъ упрямо сердцу: «мигъ придетъ!».

Шелестѣли, какъ шелка, віолончели,
Контробасы замурлыкали насъ въ сонъ.
Мы лежали въ віолетовой постели
И тѣла и души пѣли въ униссонъ.

О, съ Віолой віолетовой истомиты!.
О, съ Віолой подъ віолы нѣгу длиты!.
У Віолы кожа, вымытая въ ромѣ,
Ромокожа можетъ разумъ помутить...

IV. FINALE.

Расходится толпа... Фойе пустѣетъ...
Вуалясь, потухаютъ зеркала...
Согрѣтыя мечтанья холодѣютъ
Грезъ умерла...

У вѣшалокъ Содомъ... На шеяхъ голыхъ,
Удавами въ снѣгу, скользятъ боа...
Мнѣ хочется съ тобою быть, Віола,
На Самоа!.

Знобленной душѣ тепло желанно
И тихихъ ласкъ чуть внятное «туше»
«Жизнь можетъ быть ликерчато-бананной«
Поетъ въ душѣ..

Пустыню жизни можно сдѣлать садомъ,
Не бойтесь только говорить: «люблю»
Ущелье поцѣлуйное въ награду
Дай мнѣ, Люлю!..

„КОНЦЕРТЪ" ДЭ СВЭРТА.

Віолончель вельветитъ.. о, грація дэ-Свэрта!.
Весеннія признанья, весенняя тоска.
Пчелиное жужжанье—теченіе концерта,
Пчелиное жужжаніе у розы лепестка.

Жасминовая струнность и струнная жасминность
Мурлыканье влюбленныхъ. Покой... покой... покой...
И хочется улечься подъ неба балдахинность
И хочется умчаться за гаммною рѣкой.

Какъ тихо... неподвижно... Какъ много лунной лѣни...
Движенія постылы... Не надо ихъ!.. Зачѣмъ?!
А звуки упадаютъ.. не звуки, только тѣни,—
Лишь тѣни.. глухъ и нѣмъ я. И каждый глухъ и нѣмъ.

И сердце погруженно качелится нирваной.
Віолончельный сладокъ и вяжущъ хлороформъ,
Одымленный наркозомъ гудящаго кальяна,
Я — внѣ любви. Внѣ мѣста... внѣ времени и формъ.

Съ жасминомъ.

I

Приди бѣлоснѣжная,
Мой ласковый Богъ!..
Желанья мятежныя
Убить я не могъ.

Жасминами бѣлыми
Наполненъ покой,
И грезами смѣлыми,
И дикой тоской...

Съ послушною скрипкой
Дѣлю я печаль.
Мелодіей зыбкой
Изранена даль.

Постель ароматная.
Ждетъ сказки грѣха...
Приди, благодатная!..
Молитва тиха.

II

Ты пришла, наконецъ, ты пришла...
Дорогую сняла свою шляпу—
И, смѣясь, сенъ-бернара взяла
За большую мохнатую лапу.

Уронила на скрипку манто...
Протянула капризно уста мнѣ,—
И поблекшей гравюрѣ Ватто
Улыбнулись колецъ твоихъ камни.

Я унесъ тебя къ бѣлымъ цвѣтамъ.
Положилъ на душистое ложе
И припалъ изступленно къ губамъ,
Къ надушенной фіалками кожѣ.

Ты закрыла стыдливо глаза
Разстегнула шуршащее платье,
И нахлынувшей страсти гроза
Закружила насъ въ дикомъ объятьи.

Я ласкалъ упоенья руки...
Покрывалъ поцѣлуями спину—
И роняли на насъ лепестки
Снѣговыя малютки жасмины.

III

Играла бѣлыми цвѣтами
Жасминомъ кинула въ меня,
А въ небесахъ подъ облаками
Сочилось кровью сердце дня.

Изъ тихой дали вышелъ вечеръ...
Прохладный бризъ принесъ землѣ,
Она, вдругъ, зябко скрыла плечи
Въ волосъ колеблющейся мглѣ.

Въ меня метнула длинновзглядомъ.
Покорный ей я скрипку взялъ
И западая въ душу ядомъ
Больной Warum затрепеталъ.

«Душа любви»...—она шепнула,
«Душа безумій на струнахъ»!..
И, вся нагая, утонула
Въ полупрозрачныхъ лепесткахъ.

IV

«Не провожай меня»—сказала ты.
«Не провожай меня, мой дорогой»!
Полуувядшіе взяла цвѣты,
Меня оставила вдвоемъ съ тоской.

Любовь весенняя—короткій сонъ.
Цвѣтокъ жасминовый, цвѣтущій часъ...—
Огонь желанія пылалъ, зажженъ,
Потомъ, чуть теплился; теперь—погасъ.

Придетъ ли нѣжная ко мнѣ опять?
Иль буду въ сумеркахъ грустить съ Ватто?
О, кто отвѣтитъ мнѣ, кто можетъ знать?
Душа? Предчувствія? Никто!.. Никто ..—

Кто душу женщины испилъ до дна?
Кто знаетъ, что она готовитъ вамъ?
Поютъ надежды мнѣ: «опять она
Придетъ къ жасминовымъ твоимъ цвѣтамъ».

V

Она одѣлась не спѣша...
Былъ поцѣлуй ея усталъ
И безъ нея моя душа
Пуста какъ выпитый бокалъ.

Стучитъ вдали ея каблукъ,
Ласкаая уличный асфальтъ.
О боли тягостныхъ разлукъ
Поетъ съ шарманкой дѣтскій альтъ.

Что знаетъ о любви дитя
Чей голосъ полонъ горькихъ слезъ?!—
Шарманка старая, свистя,
Не отвѣчаетъ на вопросъ.

Вечерній городъ газъ зажегъ,—
Колеблетъ вѣтеръ огоньки...
Ея упругихъ, стройныхъ ногъ
Умолкли легкіе шаги.

VI

Я укрылъ горящій лобъ въ жасминахъ.
Холодятъ снѣжинки—лепестки.—
Шаловливо цѣлятся съ камина
Два амура рѣзвы и легки.

Не трудитесь, милые ребятки!
Глубоко засѣла въ грудь стрѣла...—
На столѣ—забытыя перчатки,
За окошкомъ—тлѣющая мгла.

Не усну я этой ночью, знаю.—
Будетъ говоръ лунной скрипки тихъ.
Разскажу внимательному маю
О скорбяхъ и радостяхъ своихъ

Подѣлюсь печалью о разлукѣ...
Брызну въ сердце морфіемъ мечты,
Онѣмѣютъ незамѣтно муки.
Помогите бѣлые цвѣты!

VII

Быстро ночь наступаетъ,
Я въ покоѣ одинъ...
На столѣ увядаетъ
Ароматный жасминъ.

Были прошлаго счастья
Въ сердцѣ зябнущемъ мрутъ.
«Миги кончены страсти»—
Грустно думы поютъ.

Миговъ сказочныхъ пѣсня
Отошла... умерла...
Заплелася чудесно
Бирюзовая мгла

Лепестки опадаютъ
И цвѣтовъ... и души...
Тихо ночь наступаетъ...
Подожди! Не спѣши!..

ВЪ РАЗЛУКѢ.

Небо-кубокъ который опрокинутъ.
Голубое вино льется плавно...
Я покинутъ.

Недавно, тучка--женщина въ бѣломъ манто
Спѣшила по шоссе неба въ автомобилѣ...
А вы то
Меня забыли?!.

А можетъ быть и вы у себя дома,
Торопливо обливая духами корсетъ,
Спѣшите къ другому...
—Нѣтъ?!...

Кубокъ неба пустъ!.. пустъ...
Простудились паровозы...
Сколько грусти!?
Забыты даже эстетныя позы...

ПАУЗА.

Облака—
Пенюары безъ тѣлъ,
И тоска
Злѣе стрѣлъ.

„Сыщемъ тѣло"!.
И шелкъ раздувая жемчужный
Бѣгутъ облака.

Но тоска онѣмѣла...
Какъ камень недужный –
Тоска.—

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Усталости прошли. Я заострилъ моменты...
Я вынулъ изъ души душистое саше.
И ваши ленты
Не въ душѣ!.

Вы помните...
Часъ сложный и огромный ..
Въ атласной комнатѣ
Дуэтъ...
И вашъ нескромный
Туалетъ
Вы помните?...

Вашъ пенюаръ бебэ
Изъ кружевъ...
Онъ былъ какъ пѣна на пескѣ...
Въ борьбѣ
Моя мечта все становилась уже...
А кружева шумѣли глуше,
Какъ въ стужу
Оцѣпѣненія мелодіи въ рѣкѣ...

Вы помните
Въ атласной комнатѣ?...
Гдѣ тихій шорохъ страсти тихо росъ,
Какъ ароматъ напудренныхъ волосъ,
Какъ грезъ
Прибой...
Какъ смѣхъ искристыхъ росъ,
Брильянтный Мумъ кропящихъ надъ травой,
Все росъ и росъ распространяясь...

Въ атласной комнатѣ,
Не обнажаясь,
Вы были мигъ моею
Виконтеса
Прохладой лѣса
Освѣжая...

И уходя отъ васъ розетку лентъ
Я взялъ
На память о моментѣ
Въ атласной комнатѣ..
Вы помните?...
. . . .
Теперь я выбросилъ изъ сердца эти ленты!—

ОПЯТЬ.

Звѣзды—алмазныя пряжки женскихъ, мучительныхъ
туфель
Дразнятъ меня и стучатся въ келью моей тишины...
Вижу: монашка нагая жадно прижалася къ пуфу
Ярко зеленой кушетки... Очи ея зажжены.

Скинуто черное платье. Брошено на полъ, какъ святость...
Пламя лампадки игриво, какъ у румына смычекъ...
Ахъ, у стеблинныхъ монахинь страсть необычно
горбата!..
Ахъ, у безстрастныхъ монахинь въ красныхъ укусахъ плечо!..

Но подхожу къ кельеспальнѣ... Даже березки въ
истомѣ!
Прядями косъ изумрудныхъ кожу щекочутъ ствола...
Даже березка—Печалка молится блуду святому,
Даже березкины грезы объ изступленіяхъ зла!..

Ближе... Къ дрожащему тѣлу прискорпіонились
четки...
Два каблука, остродлинныхъ бьются поклонами въ
полъ.
«А... каблуки?!.. Куртизанка?!—Нѣтъ! не отдамся
кокоткѣ...
И убѣгаю... А въ сердцѣ: «О, почему не вошелъ»?

КЕРМЕСЪ.

Страсть волчья...
Хочу тебя молча...
Душа твоя мнѣ безразлична.—
Но тѣло,
Умѣло
Вскипѣло,
Какъ пѣна
Фантазій Шопена.

Въ крови моей: Рубенсъ
И грубость,—
Бѣгутъ амазонки
Въ ней, звонко..
И громы огромныхъ трубъ Баха...
. . . .
— Твоя заалѣетъ рубаха.—

ВСЕ ВЪ ТУФЛѢ.

Исключительнымъ ножкамъ
M-me Колибри.

Вы на углу меня благодарили
За то, что я наполнилъ вашъ моментъ...
Потомъ, вы въ сумерки уплыли
Но у меня розетка вашихъ лентъ...

Я ленты снялъ съ пикантныхъ вашихъ ножекъ,
Вы не замѣтили, когда...
Ахъ, ваша туфелька тревожитъ
Меня, какъ кролика удавъ!

Она цвѣтокъ изъ хрупкаго фарфора..
Предъ нею—страхъ.
Вотъ упадетъ!.. разсыпется съ укоромъ..
Я вѣчность бы лежалъ у васъ въ ногахъ!

Ахъ, чай изъ туфли вашей въ будуарѣ,
Гдѣ вкусно дремлетъ голубой атласъ..
Гдѣ на десу, чей шорохъ громче арій,
Свою судьбу проставилъ я до тла..

Я нищій принцъ,—души версальной брыжжи
Оставившій въ рукахъ судьбы легко,—
Иду отъ васъ утонченной и рыжей,
И въ сердцѣ—стукъ французскихъ каблуковъ...

VENENUM AMOROSUM.

1. SOUVENIR DE VOLUPTÉ.

Бѣлая туфля, хранящая хрипы агоній...
Густо покрытая ржавыми пятнами крови.—
Стоны
Въ альковѣ...
Запахъ бегоній...
Мукой поднятыя брови.
Знаки распятій...
Терпкіе звоны
Въ туфлѣ атласной, изъѣденной ржавчиной крови—
Хрипло сливаются въ шорохъ порочныхъ симфоній.

2. VIGILIA.

Въ узкой вазѣ изъ серебра
Желтый нарцисъ...
Рядомъ—туфяя
Съ каблукомъ, какъ стилетъ.—
Высь
Въ которую бросилъ тоску поэтъ.
Сумерки потухаютъ...
Потухли.—
Съ туфлей
До утра...

3. УТОНЧЕННАЯ МЕСТЬ.

Я снялъ съ алтаря вашу туфлю атласную
Одну изъ тѣхъ... Помните?!.. Чей каблукъ тоньше змѣиныхъ жалъ.
И ее ароматную, когда то бурную, теперь—безстрастную—
По привычкѣ къ груди прижалъ...

Потомъ, вынулъ шприцъ.. Опустилъ шторы...
Позвалъ уродливаго бульдога бѣлаго какъ вашъ
животъ.
Швырнулъ ему туфлю... На!.. И пляшущимъ взо-
ромъ
Слѣжу какъ онъ шелкъ душистый рветъ.

Это ваше сердце разрывается въ клочья!..
Ваше сердце—всеядное, какъ Ропсъ самъ!..
Ночью—
Брошенное псамъ...

4. КРИКЪ.

Чувствую, начинаю ржавѣть...
Гладкая сталь души покрывается бугорками,
Маленькими, непріятными, какъ закипѣвшая мѣдь...
— Ахъ, почему Вы не удавили меня корсетными
шнурками?!—

Моя душа была прожекторомъ маяка на горѣ, въ
лѣсу...
А теперь она—клише изданія de Luxe, использо-
ванное даже въ провинціальной газетѣ...
И изъ всего бывшаго—я помню только ваши сма-
рагдовыя десу
И шнурки алыми удавами скользившіе по черному
корсету...

СЕРДЦЕ МОЛИТСЯ...

Ихъ было двѣ сотни, а можетъ быть три...,
Любившихъ
И бывшихъ...
Дразнившихъ.
Забывшихъ.
Забытыхъ,
Зарытыхъ,
Комичныхъ, какъ бри,
Свою остроту на огнѣ изсушившій!..

Ихъ было такъ много, что сердце—не ихъ!...
Что сердце,
Какъ дверца,
Изъ храма на паперть.
Въ немъ—тихіе звоны упавшихъ веригъ.
Душистыхъ кокотокъ дотаяли лапы...
И въ сердцѣ разгула гулъ гулкій утихъ.

РУПІИ ХРУПИ.

ВЕЧЕРНІЙ ДОЖДЬ.

Дождь шумитъ, какъ шелка, торопливо спѣшащей
въ альковъ,
Нѣжной дѣвушки, ждущей отъ страсти, молитвы и
кружевъ...
Капли бьются въ асфальтъ, словно звенья упавшихъ
оковъ,
Тише... Глуше...

Эта дѣвушка въ сѣрый закуталась мѣхъ,
Вся нагая... нагая, какъ грезы...
Дождь, какъ нянька, колышетъ ея не разбившійся
смѣхъ
Но текутъ уже слезы . . .

Акафистъ.

Николаю Гущину.

Подвѣски въ вашихъ ушахъ напоминаютъ лампады,
Вѣчно горящія надъ иконой лица...
Въ шелкахъ вашихъ дремлютъ душистые, тонкіе яды
Тонкіе, какъ линія вашего плеча...

Ваша юбка на бедрахъ—покровъ упавшій на чашу
Съ причастіемъ мукъ...
И еще мнѣ нравится маленькая туфля ваша
И длинный, какъ траурная, свѣча каблукъ...

Ваше тѣло—Евангеліе, положенное на аналой
Аналой вашихъ ногъ.
Какой вы будете въ страсти?. Злой?
Или нѣжной какъ вздохъ?..

НЕМНОГО ВАСЪ.

Ваши плечи, какъ чашка изъ севра...
Грубой страстью ихъ можно разбить.
Но въ чашкѣ вино огневое,
Пора васъ пить!

Вино ваше—сокъ жасминовый,
Освященный больной луной,
Что стоитъ надо мной
Какъ монахъ съ мандолиною...

Ваше тѣло—фривольность и гимнъ,
Какъ монахъ и вино...
Капризная линія вашей ноги—
Гипнозъ.

Ваши туфли атласныя—грифъ
Каблучки ихъ—колышки скрипки...
Вы вся—эротическій мифъ
Разсказанный съ дѣтской улыбкой!.

ЖДУЩАЯ.

Вы шли по улицѣ шагами тихими.
И юбки шелкъ молился вашей мукѣ—
Миніатюрной какъ и связка съ книгами
Которую сжимали ваши руки.

О, ваши руки тонкія, змѣиныя...
Онѣ—наркозъ, съ изящными ногтями!.
Вы мнѣ казались нимфой кокаинною,
Молящейся шелками и духами.

А ваша мука для меня раздѣта вѣды!
Она въ короткой тонкой шемизеткѣ...
Я знаю, вамъ съ бумажными поэтами
Наскучило мечтать о страсти, дѣтка!.

Вамъ хочется уйти отъ грезъ въ реальное...
Вамъ надоѣло вѣчно натюръ-мортить
И ваша кровь, пока еще пасхальная,
Трубитъ мятежъ въ сапфировой аортѣ...

Но ваше тѣло въ шелковомъ футлярѣ,
Какъ скрипка, ждущая смычка,
И потому на тротуарѣ—
Стонъ каблука...

НЮАНСЪ.

Вѣдь ты придешь ко мнѣ?. Должна придти!—
Придешь, изящная. Придешь для сказки...
Я приготовлю Вертижъ Коти
И имъ обрызгаю твои подвязки.

Ты снимешь платье.. Зачѣмъ оно?!
И будешь тонкая, лишь въ шемизеткѣ
Изъ рюмки тоненькой тянуть вино
Гашиша дремнаго жуя таблетки...

Тебя омою дождемъ поэмъ!
Потомъ, закутаю въ поэмотогу
И, вдругъ, отъ счастья я стану нѣмъ
И поцѣлую твои я ноги...

И все. Не больше...--Финалы—ложь!.
Нюансы ярче кричащей краски...
Вѣдь ты придешь ко мнѣ?. Вѣдь, да, придешь
Для удивительно изящной сказки!.

НОКТЮРНАЛІЯ.

Петру Лукомскому. Нерушимой
романтикѣ его ветхозавѣтной души.

Капъ—капъ... капъ—капъ... стучатъ дождя капели.
Семь... восемь... девять... А ее все нѣтъ!
—Свѣтъ лампы портитъ нѣжность акварели...
Рѣшаю, вдругъ, зачѣмъ то... Тихъ паркѣтъ.

Скребется дождь въ мозгу, какъ будто мыши
Мильономъ тонкихъ, звонкихъ, ломкихъ лапъ.
И по стеклу... душѣ... надеждамъ... крышѣ—
Стучитъ напѣвъ дождя: капъ—капъ... капъ—капъ...

Дѣвушкѣ съ Байкала.

Не надо никакой Небраски!
Не надо никакихъ Невадъ!.
Въ твоихъ глазахъ Байкала сказки
Зеленымъ пламенемъ горятъ.

Ты вся—свѣжѣе чѣмъ покосы,
Ты вся—пасхальный перезвонъ.
Въ твои сверкающія косы
Всю бронзу ссыпалъ желтый кленъ.

Твоя походка—скачка лани,
Она—сестричка вѣтерка...
Не разбудившая желаній,
Ты надъ душой, какъ облака!

1920. Августъ.

ТРІЕДИНАЯ НОЧЬ.

Закрывшимся навсегда газельнымъ глазамъ Габи Дели, съ которой вмѣстѣ слѣдилъ падающія звѣзды въ лагунѣ Тихаго океана, семь лѣтъ тому назадъ.

I.

Я въ ложѣ... У рампы — апашка.
На стройной апашкѣ рубашка...
Глаза и лицо — королевы...
Madame Габи Дели, гдѣ вы?...

Габи Дели, какъ вѣтеръ, какъ лозы,
Какъ всѣ въ мірѣ бѣгущія козы...
Габи Дели, вы всѣхъ покорили.
Ваше тѣло изъ ртути и лилій...

Рубашка вздувается,
Подымается...
Какія ноги! Конца нѣтъ!...
Тѣло упружится,
Кружится,
Какъ омутъ,
Который
Манитъ...

II.

Я у нея въ отелѣ
Сижу и ей говорю:
„Въ вашемъ тѣлѣ звенятъ свирѣли...,
Въ вашемъ тѣлѣ оттѣнка „экрю“...

Въ вашемъ тѣлѣ—огонь амазонки,
Проскакавшей полсотни миль"...
А она, нѣжнѣе ребенка,
Мнѣ бросаетъ: „возьми... возьми"...

Отъ заката весь западъ палевъ
И какъ пѣна десу—облака...
Шемизетка съ нея упала,
Чтобы тѣлу сверкать вѣка...

III.

Мы въ лодкѣ.--Молчанье лагуны
Не будятъ свисткомъ катера...
Мы оба безсловны, какъ струны
Которымъ звучать не пора...
Мы юны!. мы юны!. мы юны!.
Сегодня... сейчасъ... и вчера.

Надъ нами—небесная месса
Подъ моря чуть слышный органъ...
Я знаю, что вы—сатиресса,
А я—притаившiйся Панъ.
Но мы не желаемъ кермесса...
(Какъ тонко пьянитъ франжипанъ!).

Мой звѣздный экстазъ, Габи Дели!
Смотрите, упала звѣзда...
Спасти облака не успѣли
Ее проглотила вода...
А вы, что какъ весь Боттичелли,
Ужели уйдете когда?!

Улыбка вспорхнула и скрылась.
„Красиво, не страшно сгорѣть"...
И губы къ губамъ наклонились
Чтобъ вмѣстѣ зарею алѣть.
И долго мы звѣзды слѣдили
Рѣшая упасть, но не тлѣть!

1920. Августъ.

Великолѣпный конецъ.

Леониду Астахову.

Слышно, какъ били въ двери.
Всѣ убѣжали давно...
„Я не боюсь васъ, звѣри..."—
Сказала... „мнѣ все равно..."

Прошла по паркету въ залу,
Открыла бѣлый рояль...
Траурный маршъ заиграла,
Разбудивъ подвѣсокъ хрусталь...

Гудѣла старая бронза
И шелкъ портьеръ шуршалъ...
А старый, китайскій бонза
Головою, смѣшно, кивалъ...

И было все, какъ было:
Портьеры... Цвѣты... Фарфоръ...
Только гдѣ-то съ звѣриной силой
Визжалъ и кусался топоръ.

Да сиреневыя шторы
Пропускали пожара свѣтъ...—
Но пастушка маркизу изъ фарфора
Какъ и раньше, шептала: „нѣтъ"!

Одинокая княжна вздохнула,
Пересѣвъ на парчевый диванъ
И, въ подушки уйдя, развернула
Недочитанный ею романъ...

Дверь шатнулась... Княжна, спокойно
Въ голубой прошла будуаръ...
На фигурѣ царственно-стройной
Шелестѣлъ печальный муаръ...

Присѣвъ не спѣша къ секретэру
Взяла Le Vertige — Coty
Всыпала порошокъ и съ вѣрой
Шепнула: „Mon Dieu, — прости!"

И выпивъ все изъ флакона,
Упала глаза раскрывъ,—
Напрасно толпа озлобленно
Кричала, ее окруживъ..

Она не слышала криковъ
Не видѣла потныхъ лицъ,—
И жизнь проживъ великой
Скончалась смертью царицъ.

Лимузинъ—саркофагъ.

Ты была у Поля въ Красоты Салонѣ...
Ароматной Фриной сѣла въ лимузинъ,—
Въ вазочкѣ кареты цвѣлъ пучекъ бегоній...
Знала: въ будуарѣ мучится грузинъ.

Въ улицѣ плакатной пѣли и стрѣляли.
Въ трубочку шофферу крикнула: „скорѣй!"
Пули и опасность славно окрыляли...
Грезу подтолкнула, шаловливо: „рѣй!"

Лимузинъ качнулся, сиротливо млѣя,
И, смертельно вздрогнувъ, вкопанно застылъ.
Дверца пріоткрылась и усачъ, наглѣя,
Выйти изъ кареты грубо попросилъ.

Ты не растерялась и съ лицомъ маркизы
Вѣжливо спросила: „А зачѣмъ я вамъ?..."
Вспомнила Ламбаль ты и отчизну Гиза,
Грустно прикоснувшись къ платья кружевамъ...

Затрещали залпы словно кастаньеты,
Кто то въ отдаленьи нажималъ курокъ...
И вблизи бегоній, въ шелковой каретѣ
Въ океанѣ черни ты нашла свой рокъ.

Маленькая пулька, пчелкою порхая,
Стѣнку продырявя, юркнула въ корсажъ.
А на оттоманкѣ, бѣшенно вздыхая,
Грезилъ о блаженствѣ изступленный пажъ.

Ты не раздѣляла трепета истомы...
Около метались бороды бродягъ,—
Щелкали затворы... отдавало ромомъ...
И авто качался, словно саркофагъ.

Вечеръ истеричный нагибался къ шторамъ;
Ароматъ бегоній, старчески, вдыхалъ,—
И въ твоихъ изящныхъ, омертвѣлыхъ взорахъ
Отъ людскихъ безумій, мигно отдыхалъ.

Воздушная смерть.

*Раздавленной нѣжности Лидіи Аза-
довской, которой на этомъ свѣтѣ
больше не встрѣчу.*

Дѣвушка качалась на качеляхъ.
Дѣвушка взлетала въ небеса...
И столбы качельные звенѣли,
Вмѣстѣ съ ней, повѣривъ въ чудеса.

Вверхъ—внизъ.
Сторонись!..
Столбъ шатается...
«—Вы,—внизу...—
Я несусь!...»
Дѣвушка кричитъ и улыбается.

Синею птицей
Стремиться, стремиться...
Летѣть!.. улыбаться!.. пѣть!..—
Какъ волна возникнуть,
Какъ валъ разбиться—
И долго—долго звенѣть...—

Море недовольное бормочетъ:
«Я—лежу, а дѣвушка летитъ»...
Море въ небо взвиться птицей хочетъ,
А качельный столбъ скрипитъ, скрипитъ...

Столбу пришла пора дотлѣть
И дѣвушкѣ уже не пѣть.—
И дѣвушкѣ летѣть, летѣть
Къ землѣ—
Чтобъ тлѣть.

Столбъ качнулся, падая неловко,
И веревка, спутавшись въ силки,—
Захватила съ ласковой уловкой
Дѣвушкины острокаблуки.

И когда она къ землѣ летѣла,
Зачерпнувши небо головой,—
Въ лифтъ очей ея вскочить успѣла
Вся лазурь со всею синевой...

И потомъ, прижавъ лицомъ песчинки
И раскрасивъ кровью голыши,—
Чуть дышала... и ея ботинки
Вздрагивали точно камыши.

1920. Августъ.

Неожиданная инфанта.

Вы для меня не кокотка.. Не протестуйте! Не лгу я.
Я—отъ души!. Въ вашихъ взорахъ—робость пугливыхъ инфантъ.
Ахъ, да поймите жъ! не важно то, что я видѣлъ нагую
Васъ въ свѣтѣ рампы.—Какъ рыцарь, туфли цѣлую я бантъ.

Въ вашемъ разгулѣ—молитва... Ваши улыбки протяжны...
Такъ же, навѣрно, протяжно—ладанны ваши мечты.
Ваши уста, по другому, чѣмъ у подругъ вашихъ влажны..!
Ваши уста—предъ иконой въ дымкѣ кureній цвѣты!

Скрыли вы душу подъ маской дерзко-циничной бравады
Но подъ корсетомъ изъ стали хрупкій таится фарфоръ.
Серна инфанта шантана, мнѣ вашей позы не надо!
Я вѣдь—поэтъ, и шагаю черезъ, для прочихъ. заборъ,

Вотъ я въ душѣ вашей.. Боже, сколько въ ней нѣжныхъ питаній!.
Дѣтскихъ, не выросшихъ, робкихъ, не распустившихся сновъ...
Ахъ, вѣдь никто не повѣритъ тихой часовнѣ въ шантанѣ...
Тихому храму межъ пьяныхъ, шумомъ залитыхъ, столовъ.

Серна инфанта шантана, съ вами всегда вашъ
палаццо,
Только войти въ него трудно... только закрытъ
онъ для всѣхъ.
Ахъ, пропустите въ палаццо въ траурномъ фракѣ
паяца
Съ бѣлой сиренью въ петлицѣ—символомъ умер-
шихъ нѣгъ!

Тѣло?! мнѣ тѣла не надо... Вотъ вамъ мое—
обладайте!
Нѣтъ!. Я хочу необычныхъ, религiозныхъ химеръ...
Вамъ я инфанта откроюсь... знайте, инфанта же
знайте:
Церковь хочу я воздвигнуть вамъ въ лупанарѣ
гетеръ!—

Панельная колыбельная.

Виктору Пальмову.

Эй, ты
Панельная!...

Тебѣ свирѣльные,
Тебѣ апрѣльные,
Цвѣты.—
И колыбельныя
Мохнато-ельныя
Мечты.

Тебѣ отравленной—
Грѣха весталкѣ,
Грезофіалки
И грезосердце—

Открыта дверца
Моей души.

Спѣши!..

Мы будемъ двое въ немъ
Моемъ израненномъ,
Изъубиганеномъ—
Моемъ больномъ...
Моемъ, отравленномъ
Твоимъ грѣхомъ...

Сдвоимся въ сердцѣ, какъ міръ смѣшномъ.
Пусть станетъ сердце мое удвоеннымъ!

Тебѣ одной—
Панельной жрицѣ,
Открытъ дворецъ
Мой—
Молись со мной
Вѣдь я—пѣвецъ
Блудницы...

Сними съ души
Муаръ грѣха.
Въ своей тиши
Встрѣть жениха.

А—а!. тебѣ жутко
Снять рубаху
Съ рваннаго сердца!?
Странны страхи
У проститутки...
Открылъ—я—дверцу!.—

Сколько разъ въ ночь
Ты рубашку срываешь
Предъ всякимъ
Для брака..
Считаешь?!..

„—Тѣло—всѣмъ...
Душа—себѣ,
Запрятанная на донышко..“

—Святая!.
Много поэмъ
Въ твой храмъ
Тебѣ
Дамъ
Мадонушка!..

1919 Іюль.

РОДНОЕ ДАЛЕКОЕ.

И. Г. Ведерникову. Богъ дастъ снова будемъ дома!..

Громче сердце стучи своей алостью
Не забыть ни Днѣпра мнѣ, ни Камы!..
И въ душѣ моей родины малости,
Точно чаша съ святыми дарами.

На пригоркѣ червонится звонница.
Крылья ласточекъ—небу заплатки...
Мнѣ родное далекое помнится
Разгадалъ я унылій загадку:

Не забыть намъ родного далекаго,
На землѣ существуемъ пока мы.
Мнѣ Днѣпра, какъ Россія широкаго,
Вамъ прохладной, какъ дѣвушка, Камы.—

ОСЕННИКЪ.

Николаю Асьеву, чья лирика — ладанная заря.

Летаютъ паутинки—
Небесныя сѣдинки...
Всѣ дали извопросены:
. . . .
„Лекарства нѣтъ отъ осени"!..

Въ душѣ: сѣдая скука.
У васъ—свѣчинки руки...
Онѣ прозрачно таютъ.
Вы, вся—святая!

На головѣ—корона
Изъ звѣздныхъ листьевъ клена.
И сыплютъ на васъ выси
Сосновыхъ иголъ бисеръ.

И медленно идемъ мы
Вдоль стѣнъ лѣсного дома.
А осень, выйдя въ сѣни,
Скликаетъ на осенникъ.

О СОТОЙ ВЕСНѢ...

Сергѣю Третьякову, умѣющему предчувствовать.

Будетъ еще сто весенъ,
Но не умретъ звонъ сосенъ.—
Тѣ же приснятся сны
Дѣвушкамъ Сотой Весны!..

Въ стѣнахъ, что будутъ иныя,
Не станутъ нагѣй нагіе...
Не будетъ трехъ маевъ въ веснѣ
И кровь не вспыхнетъ краснѣй...

Но сердце нѣмого міра
Звякнетъ стострунной лирой,
Черезъ весенъ сто,
Такъ, какъ не слышалъ никто!

Ради, вотъ этого звяка
Можно живымъ поплакать.
Это——дорога въ сны
Дѣвушекъ Сотой Весны.

ЛАГУНЫ ЮНИ.

ВЕРЕСКНОЙ ДѢВУШКѢ.

Мойчи Ямагучи, какъ воспоминаніе о задушевныхъ бесѣдахъ подъ шелестъ бамбуковъ у его дома.

Вы вся, какъ поэза Альфреда Мюссэ,—
Душевно—прозрачная, зябнуще—астровая...
Съ мечтательнымъ бантикомъ въ русой косѣ,
Червонноволосая, звонко-піастровая...

Быть въ комнатѣ вашей—фантазы читать
Тиль—Тильно—Митильныя, полныя граціи..
Склоняться къ Вамъ близко—экстазно вдыхать,
Сурдинно—щекочущій запахъ акаціи...

Глядѣть въ Ваши очи—купаться въ винѣ...
Онѣ вѣдь не Ваши, вакхически лавныя!—
Вы вся изъ батиста, какъ греза Манэ...
И только глаза Ваши—пики агавныя,—

Они—двѣ агатовыхъ, черныхъ стрѣлы,
Готовыя взвиться съ мучительнымъ пѣніемъ.
Они обжигаютъ, какъ капли смолы
Стекая мнѣ въ душу въ кричащемъ кипѣніи...

Они, какъ румяна на щекахъ Мадоннъ!—
Они—барабаны, въ интимной литаніи...
Я ими замученъ!... разбитъ!... оглушенъ.—
Но, сблизьте рѣсницы, и вы—обаяніе...

Живутъ въ Васъ, причудно, Уайльдъ и Мюссэ
Провинціи лирикъ съ эстетикомъ ересь въ комъ,—
Ахъ, сложныя прелести въ русой косѣ
Мечтательной дѣвушки, пахнущей верескомъ!—

МОЛОДОЙ ГЕНІАЛКѢ.

Такихъ, какъ я, у Васъ будетъ больше, чѣмъ сказокъ у Шехерезады,
Такихъ, какъ я!—
Но, грусть тая,
Я букетно подношу Вамъ свои баллады...

Въ самомъ дѣлѣ!? Что такое поэтъ въ сѣромъ костюмѣ?—
Смѣшная претензія!.—
Вы—гортензія—
Фаворитка фраковъ.. (Какой угловатый юморъ!?)

Вы—будуарная папуаска, взирающая на жизнь улыбчато...
Міръ—Вашъ.—
А я—пажъ
Грустно строющій замокъ изъ песка невѣрный.. разсыпчатый...

Пусть невѣрный!. Строю, кусая губы, когда Ваши руки цѣлуетъ другой.
Мнѣ—больно!..
И невольно
Радугу грезъ, опять, распускаю, павлиньево, надъ Вашей головой.—

БЛИКЪ.

Мнѣ нравятся ваши узкія руки
И гіацинтные волосы...
Меня радуетъ мука,
Скрытая въ вашемъ смѣющемся голосѣ...

Мнѣ близка ваша внимательность къ мелочамъ.
(Какъ—я!—)
И я люблю повторять слова, подобныя мечамъ:
„Не моя..."

ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Вышла на берегъ... Руки—какъ крылья,
И вода по нимъ медлитъ стекать...
СОВЕРШЕННАЯ.. вѣки прикрылъ я...
Къ тѣлу—солнцу не мигъ привыкать!.

Вѣтеръ волосы влажные скомкалъ
Въ золотисто-змѣиный клубокъ...
Я лежу и слѣжу незнакомку,
И цѣжу ея взоръ голубой,

Первый разъ поклоняюся тѣлу!
Первый разъ я забылъ слово ВЗЯТЬ.—
Ослѣпленный богиней бѣлой,
Цѣжу голубые глаза.

Сирень тріольная.

I.

Вы двадцать веселъ не цвѣли...
Вы двадцать весенъ не любили,—
Вы двадцать весенъ въ мертвой виллѣ
Надежды кружево плели.—
Васъ весны пламенныя жгли,
Желая чтобы вы любили...
Но вы восторгомъ не цвѣли
И двадцать весенъ мертвой были...

II.

Теперь вамъ двадцать.. Въ жизнь! смѣлѣе!.
Смѣлѣе въ ласки!... въ счастье!. въ страсть!—
Пора покоя скинуть власть,
Мечтавшій долго, любитъ злѣе...
Спѣшите насладиться всласть.
Къ цвѣтамъ идите по аллеѣ...
Пора покоя скинуть власть,
Теперь Вамъ двадцать... Въ жизнь!... Смѣлѣе!

III.

„Вы—первый“ ты—сказала мнѣ
И, задрожавъ, поцѣловала...
Луна сочувственно кивала
И мнѣ казалось я во снѣ.—
„Вы—первый..“ ты сказала мнѣ
И, словно музыка звучала,
Когда меня поцѣловала
И „первый“ ты сказала мнѣ...

IV.

Цвѣты, что долго не цвѣли
Цвѣтутъ божественно красиво.—
Они дробиться не могли
И счастья ждали терпѣливо...
Но мигъ насталъ и, горделиво,
Они бутоны развели...
Цвѣтутъ божественно красиво
Цвѣты, что долго не цвѣли.

V.

Пять лепестковъ сирень имѣетъ.
Цвѣтокъ любви всегда одинъ.—
Вашъ поцѣлуй—абрикотинъ...
Онъ сладокъ... сердце сладко млѣетъ...
Пять тріолетовъ, какъ одинъ,
Моя любовь дарить вамъ смѣетъ...
Цвѣтокъ любви всегда одинъ,
Хоть много лепестковъ имѣетъ.—

Въ фойе.

Полюбивъ, въ Декабрѣ я загроздилъ сирени...
Полюбивъ,—я изъ звѣздъ отчеканилъ колье...—
Сядемъ здѣсь на диванъ... Ходятъ люди, какъ тѣни,
Что намъ тѣни людей и гримасы фойе?!

Вѣдь никто изъ толпы не пойметъ нашу близость!
Вѣдь мѣщанамъ далекъ пасторальный экстазъ.—
Имъ знакома любовь, какъ животная низсcть...
Ахъ, забудемъ мѣщанъ въ нашъ сиреневый часъ!

Твои взоры нѣжнѣй ассонансовъ Верлена...
Твои плечи дрожатъ, какъ березокъ листва...
Улетѣвъ далеко изъ мѣщанскаго плѣна,
Мы людскія черты замѣчаемъ, едва...

Есть моменты въ любви, когда люди—помѣха!.
Есть минуты въ любви, когда люди—ничто!.
Наши души—сады ароматнаго смѣха
И вульгарный диванъ—королевскій „шато"...

Тривіальный диванъ, словно замокъ въ сирени,
Гдѣ цвѣты и любовь только въ насъ и для насъ..—
Не дадимъ никому бѣлокурыхъ мгновеній!.
Никого не введемъ въ нашъ сиреневый часъ!.

ПРИЗНАНІЕ.

Я украшу Вашу шею тріолетовымъ горжетъ,
И къ корсажу мѣховому пристегну букетикъ грезъ,
Я—счастливый, сумасшедшій, расшалившійся поэтъ
Приготовившій манто Вамъ изъ шелковъ кашмир-
скихъ розъ.

„Какъ морозно..“—Вы сказали, помню, какъ то въ
променадъ.
И улыбка, устъ сказавшихъ, зябко инейной была..—
Не грустите!. На сугробахъ я взрощу весенній садъ..
Вѣдь душа моя, какъ ландышъ, въ зимостужу рас-
цвѣла!

Это Вы ее согрѣли искрометьемъ Вашихъ глазъ.
Ихъ лучи всѣ льдины сердца растопили въ ручейки..
И въ награду, я, за это, погружаю Васъ въ Экстазъ,
Въ волны огненной... душистой... и ласкающей рѣки...

Что зима?!... Зимою сердце тоже кружитъ ко-
тильонъ—,
Правда, медленный, но нѣжный, какъ влюбленнаго
намекъ,
Изъ ажурныхъ тріолетовъ я воздвигну павильонъ
И отдамъ его въ подарокъ Вамъ, Черемуховый
Сокъ!..—

Ваша кожа пахнетъ сладко, какъ черемухи цвѣты,
И поэтому зову Васъ я Черемуховой Миссъ—..
Вы галантнаго Версаля воплощенныя мечты,
Силуэтъ Вашъ обѣщаю я вчертить въ напѣво-фризъ.

Прихотливыя мечтанья вытку тонко въ кружева
И въ шантилевомъ лиризмѣ Васъ, лаская, утоплю...
Впрочемъ, кончу прятать чувство за капризныя слова,
И скажу банально—просто: „Я люблю тебя!.. люблю!.“

КРЕЩЕНСКІЙ МАЙ.

На панеляхъ бѣлыхъ солнце гарцевало,
Бронзируя лица, вышедшихъ гулять.—
Въ окна проникало, спящихъ цѣловало...
Затопило свѣтомъ всю мою кровать.

Я не могъ остаться къ солнцу равнодушнымъ—
Утренняя дрема вздыбилась въ кэкъ-вокъ.
Сталъ я умиленнымъ пажикомъ послушнымъ
Солнечные шлейфы поднявшимъ у ногъ...

Солнце королевой въ улицахъ ходило...
Солнце усадило грезы на качель,—
Палочкой топазной по снѣгу водило...
Солнце рисовало майскую пастель.—

Проносилась лошадь подъ зеленой сѣткой—
Солнце успѣвало гриву позлатить...
Дружески кивало худенькой кокеткѣ,
Вышедшей въ жакеткѣ, сольно, побродить.

Маленькій мальчонка, сѣвшій на салазки,
Щедро облицованъ солнечной фольгой...
Этотъ день весенній подъ январьской маской...
Этотъ день, какъ счастье, радостно нагой...

Эти золотые, рѣзвые матчиши...
Эти серенады на сосулькахъ льда..—
Словно я во власти магика—гашиша,
Словно я не видѣлъ солнца никогда...

Такъ и подмываетъ по сугробамъ мчаться...
Встрѣчныхъ незнакомокъ въ губы цѣловать,
Солнцу отдаваться, солнечно смѣяться,
Солнечные миги, солнечно, ковать...

Солнце гарцевало на панеляхъ бѣлыхъ.—
Солнце призывало: «радости поймай»!..
На подмосткахъ улицъ, сплошь заиндевѣлыхъ,
Солнце разыграло, на Крещенье, Май.

СОЛНЦЕНАБАТЪ.

Солнце - не бѣлое... Солнце—червонное!—
Солнце—не зимнее.. Солнце весеннее...
Солнышко бухаетъ ландышезвонное,
Громко вѣнчая желанье съ волненіемъ.—

Снѣгъ разрыхляется въ хрупкое кружево...
Кружево льдистое, плача, ломается.—
Дѣвушки томныя, грезьте о мужѣ вы!..
Снѣгъ валансьенится, снѣгъ разрыхляется...

Крыши увѣнчаны, сплошь, діадемами.—
Трубы покрыты алмазо—тіарами...
Дѣвы, для юношей будьте Эдемами!.
Близится время безумія парами. --

Сердце онѣжилось... сердце интимнѣе...
Сердце исполнено тонкой буколики.—
Грезы изгрызли всѣ хмурости зимнія
И кувыркаются, рѣзво, какъ кролики..

Солнце шампанское всѣхъ оянтарило.
Блѣдныя щеки накрасило холода—
Звонкимъ набатомъ по спячкѣ ударило
И приказало, чтобъ было все молодо...

Будьте же молоды—солнцемъ приказано!
Будьте пылающи, развѣ не слышите?!—
Солнцемъ приказано и пересказано,
И на сугробахъ топазами вышито...

КЪ ВЕСНѢ.

Льдяные валансьены крышъ сосульчато игольчатъ.
По тротуарамъ городскимъ иду къ Веснѣ я молча...
Капели голосъ струевой задорно баркарольчатъ.—

Смѣшна измятая зима, какъ старая кокотка...
Деревьевъ вѣтки въ бугоркахъ—монашескія четки.
„Ложись скорѣе отдыхать...“ кричу зимѣ я четко.—

Пришелъ къ рѣкѣ. Рѣка молчитъ, но сонъ ея коваренъ,—
И хоть морозистый закатъ крикливо киноваренъ,—
Въ немъ нѣжный тонъ цвѣтовъ весны... онъ вьюгой не изстаренъ!

Фіалки муфты разожгли лиловостью весенней.
И въ жилахъ мечутся огни, и нѣтъ берложной лѣни...
И незнакомки бѣгловзоръ—пьянѣй вина сирени.

Часы Весны—сосульки крышъ, чѣмъ тоньше—счастье ближе...
Гляжу съ влюбленною тоской на плачущія крыши
И сердцу, бьющему въ набатъ, не говорю я „Тише...“

РАЗЛИЧІЕ.

У каждой дѣвушки въ глазахъ—весенняя новелла
У каждой женщины въ очахъ—романсъ душистый
тѣла...
У каждой дѣвушки въ глазахъ—симфонія влю-
бленья.
У каждой женщины въ очахъ—соната обнаженья.—

У каждой дѣвушки въ глазахъ—фіалковые стансы.
У каждой женщины въ очахъ—жасминовые трансы...
У каждой дѣвушки въ глазахъ—нарушенная спячка.
У каждой женщины въ очахъ—любовная горячка...

У каждой дѣвушки въ глазахъ — предчувствіе
объятій...
У каждой женщины въ очахъ—желаніе кровати.
И если дѣвушка хранитъ свою тоску по чуду,
Упрямо женщина твердитъ: „опять любимой буду!."

И отъ сознанья пьяныхъ ласкъ, у женщины—истома;
Любовь, какъ страсть и нагота, ей хорошо знакома...
А сердце дѣвушки звенитъ, какъ хрупкій севръ
на камнѣ:
„Любовь весны, тебя я жду и все же ты страшна
мнѣ..."

ОДУВАНЧИКЪ—ЮНОСТЬ.

Ты—воздушный,
Непослушный..
Вѣтровой.—

Ты летаешь,
Нѣжно таешь,
Надъ землей.

Ты летишь безъ ясной цѣли,
Какъ мечта...
Мы въ ажуръ твой поглядѣли
—Красота!.

Тихъ и нѣженъ
И безбреженъ—
Дальній путь.—

Ты, воздушный,
Непослушный,
Вольнымъ будь!—

СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

ГЕНРІЭТА.

Генри.

I.

Ты вся какая то испепеленная,
Тысячегаммная и однотонная...
Твой темпъ—единственный—каприччіозо
Ты—чернобархатная тубероза.—

Лицомъ накрашеннымъ, порокомъ суженнымъ,
Душа дремавшая опять, разбужена.
Ты—наркотическая, кокаинная...
Карминногубая и змѣедлинная.

Глаза тиранящіе, эскуріальные
Двѣ бездны огненныя, костры провальные...
Два черныхъ вѣстника мученій длительныхъ,
Мученій ласковыхъ и ласкъ мучительныхъ.—

Ты вся—невѣрности и ожиданія,
Москва и Мексика... Парижъ и Данія...
Ты—четки, ставшія, вдругъ, кастаньетами,
Ты—неожиданность. Ты—Генріэта.

II.

Гноился красный глазъ автомобиля,
Потъ лошадей впиталъ твой шевіотъ.
Мечта на память бѣшенно лѣпила
Оркестра дробь и дьявольскій полетъ.

Изъ цирковыхъ я лишь его запомнилъ,
Зеленаго и вызвавшаго гулъ.
Твой ротъ мгновенно вспыхнулъ страстью томной.
Гвоздику кто въ твой ротъ тогда воткнулъ?!.

Зеленый въ куполъ бросилъ тѣло четко,
Нарисовавъ затѣйный арабескъ.
Ты рискъ пила эстетка—готтентотка,
Вся—диссонансъ, безумье и гротескъ.

О, ты жила!.. я ясно видѣлъ это...
Какой экстазъ плясалъ въ твоихъ ноздряхъ!?.
Твоя душа была тогда раздѣта,
Преступная монашка Генріэта—
И тотъ... держалъ тебя въ своихъ рукахъ!

III.

Ничего... Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти,
Только тонкіе контуры прихотливо-изящные...—
Мы себя не втолкнули въ расширенныя пасти
Непродуманныхъ пошлостей, остротою звенящіе.

Мы сидимъ на окошкѣ у заснувшаго домика
И, дымя папироской, созидаемъ поэмы,—
Два бродячихъ эксцентрика, два хохочущихъ комика...
Два ребенка чудесныхъ непогибшей Богемы...

На матрацахъ убійственныхъ спятъ убійцы эстетокъ.
Спятъ уроды храпящіе, заплевавшіе радость,—
И луна льетъ шампанское въ рты восторженныхъ дѣтокъ,
Для кого сумасшествіе—еще мудрая сладость.

IV.

Торопливо свѣтало... проходили китайцы,
Виновато конфузно двери хлопали клуба,
Я ласкалъ, словно четки, твои длинные пальцы
И читалъ, какъ псалтырь, потускнѣвшія губы...

Небо было измято, какъ кровать послѣ оргій...
Облака взлохматясь, разорвались нелѣпо...
А мы двое сидѣли въ предразсвѣтномъ восторгѣ,
Еще грезили ночью и къ зарѣ были слѣпы.

V.

Ты лежишь и куришь папироску,
Выпуская за кольцомъ кольцо,
У тебя измятая прическа
И лицо...

За окномъ слюнявый день бормочетъ
Свой разсказъ...
Я тебя поцѣловалъ въ длинь ночи
Только разъ—

VI.

Я зову тебя Генри потому что такъ лучше...
Потому, что ты—мальчикъ въ формахъ женщины
дикой —
Ты—молитва бензоя... Ты—горѣніе пунша...
Ты—монашка Печалка въ кабакахъ Порто Рико...

На душѣ твоей разныхъ эксцентричностей пятна.—
Ты—Уайльдъ и мѣщанство... ты—изыскъ и нелѣ-
пость...
Иногда ты ласкаешь задушевно и мятно
Временами пытаешь, но всегда ты—Мазепа.

Въ твоей близости ближней есть далекая дальность...
На груди у поэта ты—невѣста жокея,—
Но твои извращенья освѣщаютъ банальность,
И въ твоихъ маргариткахъ расцвѣла орхидея.—

Ты въ лампадное масло льешь неистовый Астрисъ
Ты въ десу погружаешь кипарисныя четки...
Твои грезы безгрѣшны, какъ осеннія астры
Твои грезы порочны, какъ экстазы кокотки...

Какъ лѣсная пейзанка, ты порой суевѣрна.
Ослѣпляетъ, какъ солнце, твой спокойный анализъ...
Ты—рояль стоголосый... Твоя грубость чрезмѣрна
Твоя нѣжность бездонна, какъ мерцанье опала...

Ахъ, зачѣмъ говорю я?!. Вѣдь тебя не разскажешь!..
Вѣдь тебя не раскроешь какъ жемчужины тайну...
Даже если безъ створокъ свою душу покажешь
Если даже покажешь!.. Ты вѣдь вся снѣготайна!..

Ты вѣдь вся, какъ восторги искалѣченныхъ льди-
нокъ
На которыхъ пылинки и въ которыхъ алмазы,
И слѣды отъ мечтаній, и слѣды отъ ботинокъ,
Непорочное счастье и осколки отъ вазы...

Ты—трюмо міровое не видавшее міра,
Но въ которомъ Вселенной вѣчно новые лики...—
Ты—проклятье аскета яркороскоши пира
И гетера-вакханка въ ярко-алой туникѣ.

ЧЕРЕМУХА НА АСФАЛЬТѢ.

I.

Я купилъ тебѣ черемуху у китайца на панели.
Ты букетикъ положила на такой же бѣлый столъ...
Мы въ кафе провинціальномъ за пирожными сидѣли.
Мимо ярко продельфинилъ съ офицерами авто...

Раньше, въ книжномъ магазинѣ мы достали томъ о Гойѣ...
Надъ „Капричосъ" наклонившись ты пила несладкій чай,—
Ахъ, какой ты мнѣ казалась безконечно дорогою!..
„Барельефъ... офортъ... Одно вѣдь?." ты спросила невзначай.

Я былъ счастливъ. Вѣдь въ наивномъ, дѣтски-глупенькомъ вопросѣ
Было столько отъ заката, отъ черемухи, отъ сновъ...—
Что я могъ лишь погрузиться въ дымъ каирской папиросы
И прижать уста любовно къ бѣлымъ звѣздочкамъ цвѣтовъ.

Да, душа твоя простая, хоть прическа—стиль Медузы...
Хотя ротъ твой ярко алый—губка жадная на все,
Хоть ты смотришь съ вожделѣньемъ на военныя рейтузы
Но черемухи безгрѣхье это—истинно твое.

А черемуха лежала, разметавшись шаловливо,
Какъ ребенокъ въ бѣломъ платьѣ на квадратикѣ
столa,—
И изъ глазъ циклонноспящихъ, что какъ въ тро-
пикахъ заливъ—
Всѣ грѣхи твои земные сдула, выпила, смела...

II.

Мы сидимъ и глазами обнимаемъ другъ друга,
Я гляжу на тебя... Ты глядишь на меня...
Мы—закатные блики... Мы—предзорьная фуга
Мы уже молодые нашу дряхлость смѣня.

Размечтались какъ дѣти: „Вотъ отправимся въ Чили
Тамъ брюнетныя души и агато—тѣла".
Мы фантазную повѣсть въ одинъ мигъ настрочили...
И сижу я лазурный и сидишь ты свѣтла.

За столомъ въ гіацинтахъ—офицеры румыны...
Атакуетъ блондинку щуплый юнкеръ въ пенснэ.—
Ты въ шуршащемъ Тальерѣ, но съ душою ундины,
Надъ черемухой грезишь въ экзотическомъ снѣ.

„Мы отправимся въ Чили"—повторяешь ты тихо...
„И я буду рыбачкой и ты будешь рыбакъ..."
И блеститъ, какъ надежда, вызывающе лихо
На ногтяхъ твоихъ острыхъ пламенѣющій лакъ.

„Бунгало изъ гранита мы построимъ въ долинѣ
И постель у насъ будетъ изъ волнующихъ травъ...
Какъ мы души расправимъ прямотой прямолиній!..
Мы отправимся въ Чили... зовъ фантазіи правъ..."

Я молчу. Мнѣ поэмно... Я въ черемухотрансѣ,
И кафе завертѣлось каруcельчатѣй сна...
Мы лишь въ Маѣ смѣняемъ грузъ наукъ на романсы...
Анатомій не знаетъ лишь чилійка—весна!

III.

„Бѣлая черемуха...
Купите! Купите!..“
И тонкія нити
Ползутъ по душѣ...

И въ Мая тенета
Забросилъ васъ кто то,
Но вамъ не обидно,
Душа—какъ саше...

Душисто и пряно,
Душисто и тихо.—
Платочки эмоцій,
Въ черемухъ саше!..

У океана,
Подъ снѣжности Грига
Душистые танцы въ душѣ.—

Май. 1918.

ТАЙФУННАЯ СКАЗКА.

I.

Валы освирѣпѣлые
Взметаютъ гривы бѣлыя
Въ далекую лазурь.
И съ хохотомъ,
И грохотомъ,
Съ протяжно-мѣднымъ рокотомъ
Бушуетъ демонъ бурь.—
Сѣдое море пѣнится...
Чуть мигъ— оно измѣнится
Въ сапфиръ и изумрудъ.—
И катится стремительно
Въ безумьи упоительномъ,
Плетя узоръ причудъ.—
А вѣтеръ льетъ рыданія,
Сгорая отъ желанія
Слить съ небомъ океанъ.
И мнится: небо клонится,
Въ пучины водъ уронится;
Такъ крѣпокъ ураганъ!
Все море—арфа грозная,
Гирлянда бѣлорозная
На изумрудѣ струнъ.
Грудь арфы разрывается
И радостно рождается
Безумный богъ—Тайфунъ.—

II.

Въ жаждѣ ласки простираютъ волны руки:
„Поласкай насъ и забудь насъ юный Богъ!
Послѣ мига, пусть придутъ столѣтья муки,
Ахъ, упругіе тиски мохнатыхъ ногъ!...
„Въ нашемъ морѣ тѣ же будни, тѣ же страхи.
Тѣ же страхи, что у жизни на землѣ—
Ахъ, позволь сорвать намъ пѣнныя рубахи
И отдаться каждой, влажной на скалѣ!..."

III.

Богъ хохочетъ... Богъ не хочетъ.—Въ дымныхъ
даляхъ
Онъ замѣтилъ бѣлый парусъ, парусъ бѣлый—
И напрасно волны къ ласкамъ увлекали—
Богъ—Тайфунъ спѣшилъ туда, гдѣ парусъ бѣлый...
Волны жадныя бросались, какъ пантеры,
Но Тайфунъ лишь видѣлъ парусъ... парусъ бѣлый...
Волны звали въ изумрудныя пещеры—
Но такъ робко бился, вился парусъ бѣлый...
Парусъ бѣлый надъ дымомъ
Заплясавшаго моря.—
Какъ крыло херувима,
Какъ улыбка застывшаго горя...
Какъ улыбка печали,
Превратившейся въ ледъ.—
Бѣлый парусъ изъ ладанной дали
Зоветъ и зоветъ.

IV.

Ахъ зовы паруса, ахъ, трепетъ паруса
Необычайный и несравнимый!..
Восторговъ дѣвственныхъ воздушно-ярусы,
Видѣнье дѣвушки почти любимой
Почти любимой, но недостигнутой
...На горизонтѣ...
Ахъ бѣлый парусъ желаньемъ выгнутый
На горизонтѣ!—

V.

Но взбѣшенныя волны ревнивы,
Бѣлый парусъ онѣ разорвали,
И предъ богомъ вертясь шаловливо,
Смертнымъ саваномъ счастья махали:
„Не хотѣлъ насъ взять,
Влажныхъ на скалѣ...
Вотъ!...
И Тайфунъ улетѣлъ рыдать
Къ землѣ.
И поетъ:
Бѣлый парусъ... Тебя нѣтъ, парусъ бѣлый!
Я стремился къ тебѣ... Ты погибъ.—
Ты погибъ парусъ бѣлый
Но я помню твой робкій изгибъ.—
Словно плечи невѣсты дрожали
Подъ фатой,
Въ началѣ—
Не крича наготой...
Словно свадебный робкій сигналъ
Къ ласкѣ...
Умеръ финалъ
Нашей траурной сказки!—
Но я помню твой трепетъ,
Когда
Я летѣлъ къ тебѣ. Въ скорби склепѣ
Онъ мнѣ будетъ—звѣзда
Всегда.—

VI.

Тише море... Глуше вѣтеръ... Даль свѣтлѣе...
Замираетъ,
Доживаетъ
Пѣсня струнъ.—
И блѣднѣя,
Цѣпенѣя,
Холодѣя
Умираетъ
Съ грезой рая
Богъ-Тайфунъ.

Владивостокъ. Эгершельдъ. 15 сентября 1919 года.

ГРУСТИЛЬ.

Весенней Га, распускающ
ліямъ—радостницамъ и
бегоніямъ, пугливо вздрагив
у кровати больного поэта.

I. БОЛЬНИНКИ—БЕГОНІИ.

Бегоніи—розово-бѣлыя хрупочки,
Дѣвинокъ чахоточныхъ яркорумянцы,
Какъ стая танцовщицъ въ коротенькихъ юб
Межъ листьевъ затѣяли грустные танцы.

Такія румяныя, бѣлыя грустницы!..
Какъ будто сердца ихъ обсыпаны пухомъ—
Какъ будто онѣ не успѣли напудриться
И скрыли въ снѣжинкахъ горящее ухо.

И тихо. И нѣжно. И бѣло. И розово.—
Дрожаніе робкое розовыхъ юбокъ...
А ночи дыханье какъ гибель угрозово
Бегоніямъ страшно... Прижаться къ кому-бы

Отъ близости холода вздроги ихъ дрожнѣй...
Отъ близости ночи—головки ихъ ниже...—
Будь съ ними больнинками ночь осторожнѣй—
Онѣ вѣдь пуглинки, пуглинки они же!..

II. ЧЕТКИ И ГРѢХЪ.

Четки, что далъ вамъ задумчивый инокъ,
Вашъ будуаръ посѣщавшій украдкой—
Вы на трюмо, гдѣ бѣлила съ карминомъ
Бросили съ вѣрой, какъ средство отъ яда.

Шарики блѣдные—ладанъ и сумракъ...
Въ шарикахъ влажныхъ—унынiе кельи.—
Кажется кто-то молитвенный умеръ
Въ желтой пустынѣ самумнаго тѣла.

Умеръ и высохъ въ янтарные сгустки.
Долго томившiе пальцы монаха.
Ахъ, ваше сердце отчетливо пусто,
Словно, всѣ головы съѣвшая, плаха!

III. СЕРДЦЕ ВЪ ПЕТЛИЦѢ.

Я вдѣлъ свое сердце въ петлицу,
Для тебя.—Дѣлай съ нимъ, что хочешь!..
На него ты можешь молиться...
Растоптать хохоча, какъ хохочешь...—

Мое сердце—краснѣй камелiй
Самыхъ, хищныхъ, страстныхъ, алыхъ.
Я въ петлицу воткнулъ безъ цѣли
Мое сердце. Оно устало.

Тамъ, въ груди—отъ тебя оно дальше.
Тамъ, въ груди—ты его не видишь...
Не стѣсняйся... Скорѣй изжаль же!..
Дѣлай все съ нимъ!.. Меня не обидишь

Захвати надушонной перчаткой...
Изомни, и отбрось, и разсмѣйся!..
Мнѣ не надо любви даже краткой—
Ахъ, алѣй мое сердце алѣйся!..

IV. ЖИРОФЛЕ.

Твои духи!.. Le Giroflee
Флаконъ—хрусталь—плита надъ гробомъ.
Въ вечерней мглѣ, какъ сталь въ иглѣ,
Знакомый запахъ тонокъ, робокъ...

Но гуще ночь и онъ слышнѣй.
Вотъ загремѣлъ, какъ рогъ предъ битвой—
И къ горлу льнетъ плотнѣй, сильнѣй
Блестящій ножъ душистой бритвы.

Духи—твои, но ты—не здѣсь;
И ножъ духовъ, остро вонзаясь,
Мнѣ о тебѣ приноситъ вѣсть,
Въ снѣгу зарытый снѣжный заяцъ!

Блестнешь, какъ пьяный хвостъ кометъ
Мелькнешь невѣрною такою.—
А бритва рѣжетъ горло мнѣ,
Кровавя бѣлые левкои...

V. ГРУСТЯЩІЙ ХЛЫСТЪ.

Грустящій хлыстъ, свернувшійся отъ скуки—
Не щелкнешь ты въ зеленыя поля,
Надъ гибкою спиной шотландской суки.
Соперничая съ рѣзвымъ „Voila"!

Лежатъ нетронуто манжетныя перчатки.—
Твой сплинъ и съ нихъ, и съ сердца пыль не сдулъ.
Душа настойчиво играетъ съ прошлымъ въ прятки—
Все тамъ же спитъ лимонный какаду.

Грустящій хлыстъ, она теперь не съ нами!..
А помнишь лугъ... лисицъ... галопъ... рожокъ?!
Ушла.—И вотъ чуть грѣетъ насъ огнями,
Любимый ею, бронзовый божокъ.

Дрожитъ въ углу шотландская борзая;
Ей холодно... Ей грустно, какъ и намъ!
И бѣлый хлыстъ ей спину не терзая,
Лежитъ какъ съ сердца снятая струна

VI. ПЛАЧУЩІЙ ИДОЛЬЧИКЪ.

Яванскій идольчикъ стоитъ на красномъ лакѣ.
Онъ черный помнитъ ласки вашихъ рукъ.
Сегодня отъ тоски и онъ заплакалъ:
Я слышалъ слезъ по дереву „тукъ-тукъ"...

Вы много нѣжныхъ словъ ему шептали,
Когда, нагая, ждали на парчѣ...
Васъ съ нами нѣтъ... Далекая, вы та ли?..
У идольчика слезы все звончѣй...

Зачѣмъ ты плачешь, черный коротышка?
Ты не услышишь больше нѣжныхъ словъ!
Мы для нея—забытая интрижка,
Отцвѣлъ жасминъ и отцвѣла любовь.

Давай, смѣшной, тебѣ напудрю щеки.
Мужчинѣ плакать!? Фи!... Еще дикарь!
А самъ зачѣмъ то вынулъ рыжій локонъ,
А самаго грызетъ на смерть тоска...

Обсыпалъ пудрой густо деревянца,
Чтобъ былъ онъ бѣлъ, какъ тотъ... тогда... жа-
смінъ.—
Ахъ, если-бъ стать игрушкой—истуканцемъ
И урониться въ тлѣющій каминъ!..

VII. УЛЫБАЛЬЧИКИ-ПАЛЬЧИКИ.

Улыбальчики—пальчики—хрупкія длинки.
Милые, любимые, нѣжные киванчики,
Тихія хрустинки, былинки—шорохлинки...
Зацѣлованные зацѣлованчики.

Прозрачнѣй лилій восковыя свѣчанки.
Съ розовымъ пламенцемъ малютань-ноготинокъ.—
Длиннотѣлыя, узкія стрекозы-рѣчанки,
Паучки—прытики ладушъ паутинокъ.

Пальчики—овальчики, на концахъ лепестинцы,
Прилипшіе выпукло къ мраморострункамъ...
Улыбальчики-пальчики—хрупкіе длинцы
Тянутки вѣчные къ крохоткамъ лункамъ.

Въ каждомъ улыбальчикѣ-пальчикѣ—скинія.
Въ каждомъ киванчикѣ кованномъ—небо.
Хрупинки-хрустинки, вы—изъ инея,
Молиться, молиться, гдѣ бы не былъ!..

СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

НАВѢЧНОЙ ГЕНРИ.

I.

Ваши губы не алы, простите синьора!.
Ваши губы—сокъ ландышей бѣлыхъ.
Ваши майскія губы—молитвы Тагора
И у васъ—предразсвѣтное тѣло...

Предразсвѣтное тѣло, синьора, дано вамъ
Пробужденье котораго чую...
Я люблю васъ ласкать въ полумракѣ лиловомъ
Я любя васъ, въ волшебномъ кочую...

Вы—Инфанта Фіалокъ, вы знаете это?.
Вы—принцесса смарагдовыхъ трансовъ..
Я хочу подарить вамъ аккордобукеты
Удивительно пряныхъ романсовъ.

Ваши губы облатка душистой ванили
Флаконетъ съ неземными духами...
И всю ночь вы одна, вы одна мнѣ лишь снились,
Протомился я ночь въ вашемъ храмѣ.

И когда встрепенутся румяныя зори
Въ пяльцы неба вплетя огненити,—
Вы тогда, въ мой покой, Голубая Синьора,
Съ пробудившимся тѣломъ придите!..

II.

Мнѣ все равно, что будетъ Завтра, или въ
часы, что будутъ послѣ!..
Мнѣ все равно какія сказки я потеряю
чрезъ тебя,—
Корабль оштормленъ. Звонитъ парусъ. И поглотили волны весла
И я махровлю сердца радость, иныя радости губя

Мнѣ нѣтъ возврата къ упоеньямъ, въ которыхъ
нѣтъ твоихъ нюансовъ.
Міръ—пустъ, и слѣпъ, и обезсолнченъ, хотя онъ
полонъ, какъ всегда,—
Я добровольно подчинился гипнозу злыхъ
смарагдотрансовъ,
И для моей корсарной жизни Ты—путеводная
звѣзда.

О, заведешь ли ты на выси иль въ безысходныя
болота,—
Подаришь бархатъ поцѣлуя или мученія скрижаль...
Мнѣ все равно!.. Благословляю твои смарагдныя
тенета,
И никакихъ мостовъ сожженыхъ ни на минуту
мнѣ не жаль.

Я не рощу надеждъ спокойныхъ... Ты вся—порывъ
и лётъ зигзага...
Тебѣ себѣ быть вѣрной трудно, такъ какъ же
вѣрной будешь мнѣ?!.
И въ сердцѣ сложномъ такъ недавно, ты
—исключительная сага
И я, далекій краскамъ жизни, тону въ
смарагдной глубинѣ...

Ты для меня—дворецъ ундины, гдѣ потаенный
ростъ жемчужинъ.
Гдѣ лапки аленькихъ кораллов живутъ
еще не отвердѣвъ.
Мнѣ для сонатъ необычайныхъ твой лейтмотивъ
единый нуженъ,
И вся ты!.. вся!.. въ своихъ изломахъ—
неумолкающій напѣвъ.

Любимый городъ!.. Башни!.. Двери!.. Дома и улицъ
вереницы...
Наркозы глазъ!.. улыбки бедеръ! ночей
асфальтовыхъ дурманъ,—
Все стало ложью съ появленьемъ моей
единственной царицы,
И послѣ множества *разсказовъ* я началъ первый
свой *романъ*.

Романъ мученія и нѣги... Романъ страницъ
рожденныхъ кровью...
Романъ изъ ландышныхъ ласканій и цикламенно-
пряныхъ строкъ
И черезъ двадцать восемь весенъ я познакомился
съ любовью
Въ саду мечты нежданно выросъ ея рубинный
лепестокъ...

Моя смарагдовая роза, тебѣ—элегіи и стансы! ..
Тебѣ безвѣстные размѣры и непропѣтыя слова!..
Безвольно-вольно погружаюсь въ твои смарагдовые
трансы
Безвольно-вольно отдаются тебѣ и кровь и голова.

Мнѣ безъ тебя не свѣтитъ солнце и не поютъ
рапсодій птицы...
Мнѣ безъ тебя безгрезно въ мірѣ и неуютно въ
красотѣ...
О, эти руки--стебли лилій Моей Смарагдовой
Царицы—
Вы увлекаете гипнозно къ благоухающей чертѣ...

Когда съ тобой—каскадитъ сердце и въ немъ—
разбрызгъ брильянтныхъ сказокъ...
Когда съ тобой—втекаетъ въ душу звеняще-
вальсно полный міръ,—
Въ моихъ глазахъ живутъ милльоны неукротимо
жадныхъ глазокъ,
Но у безбожника-поэта лишь ты—циклонящій
кумиръ.

Не ожидалъ, что завершится жизнь тарантельная
такъ узко...
Но жизни прелесть—Неугады и полновластіе
причудъ.
О, гіацинтъ слоновокости—моя единая подружка
Тебя моноклемъ вставивъ въ душу, смотрю на
міръ чрезъ изумрудъ.

Твои смарагдовые трансы!.. Я навсегда въ ихъ
сладкой власти...—
Изъ розъ зелено-хризопрасныхъ тебѣ я выстроилъ
алтарь.—
И даже, если ты—несчастье, ты все-жъ—единственное
счастье!!..
И рабъ, лежащій предъ тобою, я—овладѣвшій
міромъ царь!..

1919. Осень.

ЛАСКОВАЯ
АТАКА.

НОВОГОДЬЕ НѢЖНАГО ГРѢШНИКА.

Давиду Бурлюку — моему другу и взрывателю во Имя Пресвѣтлой Красоты.

I.

Я — Пьеро хромой и одноглазый...
Волосы — одинъ хвостатый клокъ.
Я любуюсь на дѣтей въ салазкахъ
Черезъ мой опаловый монокль.

Я люблю чтобъ радужнилась сѣрость,
Чтобы клячи будней мчались вскачь...
Подойдя къ измызганной гетерѣ
Я шепчу внимательно: «не плачь!».

«Всунь свой профиль въ синій нимбъ витрины,
И святися нѣжностью грѣха...
Не вдыхай магнолій кокаина!
Будь — какъ я — трепещуще тиха.»

Я хотѣлъ бы видѣть нѣжность всюду...
(Соглашусь на маленькій клочекъ).
Но въ опалѣ нѣжность и покуда
Заогнюсь единственной свѣчой.

Разверну мечту на тротуарѣ
И прочту ее на нѣжный гласъ,
Кто же?... Кто!... со мною станетъ въ парѣ?...
Столбъ афишный — мой иконостасъ.

Никого!... а сумерки сѣрѣютъ,
Непахучимъ ладаномъ кадя...
«Нѣжности давно свернули шею!».
Пробурчалъ какой то франтъ, идя.

Провезли салазки дѣти цугомъ.
«Дѣти!..нѣжность...нѣжность жду въ храмъ мой!».
Надъ домами вечеръ каркнулъ глухо:
«Долго ты прождешь Пьеро хромой»...

II.

Еще только вечеръ, но душа вальсируетъ,
И сердце въ бальномъ туалетѣ уже...
А что, если новое счастье могилу выроетъ?!...
Душа, вы напрасно одѣли соболiй горжетъ!

Вѣдь мы съ вами немножко иные, чѣмъ прочiе.
Неправда ли, Нѣжнинка—Душа?...
Мы, дѣйствительно, встрѣтимъ новое этой ночью,
Если къ новому подкрадемся на цыпочкахъ, не спѣша.

Къ счастью надо приближаться на цыпочкахъ,—повѣрьте!...
Не прирученное счастье не легко поймать!
Зимняя улица—къ свадьбѣ зовъ въ конвертѣ,
Только вкругъ конверта черная кайма...

III.

Пронесъ вшубившiйся покупокъ кучу,
Засоритъ счастье соръ мелочей!
Какъ хорошо, Душа, что мы радость не мучили
Глупой нудью парадныхъ рѣчей!...

Не надо бѣлой скатерти... хрусталя... кувертовъ.
Все это напоминаетъ тризну— не пиръ.
Сядемъ у витрины—Пьеро съ Пьеретой—
И звякнемъ въ безукоризненность укоризной лиръ.

Неужели и подъ новый годъ необходимы фраки?!.
Накрахмаленныя салфетки и вычищенныя слова...
Ей богу, бога больше въ собакѣ!
У нея шерсть—пасхальная трава.

Душа!... Устроимъ Воскресеніе Нѣжности..
Если не во всѣхъ, то хоть въ насъ самихъ,
Весело выскользнувъ изъ лапъ Неизбѣжности
Въ—по новому—мигающій мигъ.

IV.

Душа радовалась, а потомъ—продрогла.
Дрожало худенькое тѣльце...—
Хрупинка!... Ей въ тяжелый рогъ ли
Новое протрубить осмѣлиться?!

Даже о Нѣжности... нѣжно даже
Не смогла прошептать и то,
Уѣхала,—и долго въ экипажѣ
Краснѣло за нее манто...

V.

Я брожу... Упорствую!.. волнуюсь!..
Скоро треснетъ міровой животъ
Жизнь земному выбросивъ иную..
(Сердце знаетъ: Новый Годъ солжетъ
А ждетъ)...

Сердце—вѣрный другъ и не измѣнитъ.
Сердце—не душа... Не оторвешь!
Сердце вѣритъ: Нѣжность всѣхъ одѣнетъ,
Будетъ жизнь изъ Принцевъ и Вельможъ...
(—Ложь?..
Ну, что жъ!)

VI.

Подбѣгаю ко всякому...«Вы, Нѣжность купили?».
Ругаются...косятся...молчатъ.
Что небо—одного бога, всѣ забыли
И забыли, что я—всѣхъ братъ...

Кульки... цвѣты... корзинки... свертки...
И изъ грузной толпы ни одинъ—
Не купилъ дешевой отвертки,
Чтобъ ослабить винтикъ рутинъ!..

VII.

Одиннадцать. Появляются дамы... Теплый смѣхъ...
А на улицѣ холодно...холодно,какъ всегда зимой...
Никто нѣжнаго грѣшника не закутаетъ въ мѣхъ
Ходить ему...ходить по улицѣ сѣдой!

Ходить и подглядывать за счастьемъ другихъ...
Думая о цвѣтахъ... о пѣннотѣлой Ню,
Перебирая въ грезахъ, струны ноги
Женщины, уронившей платокъ, обрызганный Inconnu

VIII.

Пробѣжала неровная пара...
(Подъ Новый Годъ—Полвѣка и Четверть вмѣстѣ
бѣгутъ впередъ!).
Роза упала на тротуаръ
Жадная, какъ ротъ.

Пара скрылась...
(Спѣша къ новому счастью...)

„Ихъ бѣгъ—безкрыленъ"...
Роза шепнула съ участьемъ.—

„Дѣвушка вернется...
  Знаю!..
    Черезъ нѣсколько минутъ"...

Сердце бьется...
Чего я ожидаю?!
(Шелковая роза обрызгана Inconnu).

IX.

Тѣ, кого знаю —старые и смѣшно съ ними встрѣ-
чать Новый Годъ,
А новые откажутся, если предложу Новый Годъ
вмѣстѣ встрѣтить...
Развѣ нѣжная дѣвушка на нѣжный зовъ придетъ?..
Развѣ нѣжностью на нѣжность отвѣтитъ?!..

Проѣхали знакомые, обдавъ снѣжной пылью..
Крикнули: „что дѣлаете, замаскированный такъ?..."
Отвѣтилъ: „произвожу смотръ человѣческому без-
силью
И наношу ему веселый „coup d'etat!"

Поняли... Нѣтъ ли... шумѣли съ авто сходя,
Ресторанъ проглотилъ ихъ весело...
Дѣвушка приближается... одна...—„Дитя!..
Хотите, чтобы новыя чудеса надъ вами новая жизнь
развѣсила"?...

Шарахнулась... „Пьяный... Какъ не стыдно пристa-
вать подъ Новый Годъ"!...
„Глупая! . Когда же—какъ не теперь—быть нѣжной
и молодой"?!..
Но убѣжала не внявшая... и небо, раскрывъ синій
ротъ,
Плюнуло вслѣдъ ей падающей звѣздой.

X.

Новый Годъ—бумажный корабликъ,
Онъ—для поэтовъ, дѣтей и собакъ...
Люди до старости своей издрябли
Не вымолодить ихъ никакъ...

Такіе ужъ люди—старыя копѣйки;
Такіе ужъ люди—выщербленные пятаки...
Даже Новый Годъ не служитъ имъ лазейкой!..
Забодали ихъ важные пустяки...

Разъ въ триста дней и то —не праздникъ!..
И то—не могутъ засиренить весну.
То ли дѣло поэтъ... Р-разъ въ дни!..
И дни—настежь...Хотите,скуку полосну?..

Позвоню въ звѣзды... Звѣзды—колокольчики!
Звѣзды—бокальчики съ шампанскимъ планетъ!..
Снѣжныя дѣтки—нѣжные богомольчики
Хотите пригоршню звѣздныхъ конфектъ?..

Поэтъ—подъ звѣздами Новый Годъ встрѣчаю.
На снѣжной улицѣ... Нѣжности радъ.
Моей нѣжности никто не отвѣчаетъ,
Но звѣзды—горятъ.

XI.

Не могутъ родить красоту и не могутъ почувство-
вать!
Ну, чтожъ!.. Протупѣютъ еще вѣка два.
Никто не хочетъ Нѣжному сопутствовать
Не слышитъ его слова...

И не надо!.. Пойду, на мандолѣ тренькая,
Пѣть серенады афишнымъ столбамъ...
Подымаясь къ звѣздамъ звонкой ступенькою,
Шепотомъ заглушая набатъ.

Слушайте меня плакаты и афиши!.
Вамъ журчитъ пѣсенная труба.
Пусть ее еще собака слышитъ,
Самая послѣдняя изъ послѣднихъ собакъ!

Въ ея шерсти: благословенія... клоаки... сажа...
Улыбки дѣтей... колокола въ тиши..
И эхо грохочущаго экипажа,
Съ алымъ манто убѣжавшей души...

Хотѣлъ подарить новое къ новому году,
Да у людей для новаго кишка тонка.
Эхъ—самое время!—бухнуть въ воду
Полъ человѣчества, какъ слѣпого щенка!

XII.

Я набрелъ на пустой кіоскъ
Съ надписью: „ПРОДАЮТСЯ ГАЗЕТЫ."
Ну, не изысканнѣйшій ли лоскъ
Новый Годъ въ кіоскѣ встрѣтить!?

Меня въ ресторанѣ ждутъ.—
У женщинъ дрожитъ нога...
А я въ звѣздномъ бреду,
Бреду,
Въ саду—
Въ снѣгахъ...

По аллеѣ ползла собака.
Я ее подозвалъ свистя...
„Подъ Новый Годъ не надо плакать,
Четвероногое дитя..."

И съ царственной небрежностью
Перечеркнувъ рекламу газетъ,—
Написалъ: „КІОСКЪ НѢЖНОСТИ
ВЪ КОТОРОМЪ НОВОГОДИЛЪ СЪ СОБАКОЙ
ПОЭТЪ."

31/XII—19.

НА УЛИЦѢ.

*Ф. Камышнюку — вѣрному
жителю Бѣлой Земли.*

Улица плакала скрипкою пискно-протяжно...
Плачъ барельефилъ на склепности многоэтажной,
И катафалчно на шляпѣ Венеры продажной
Страусогроздья султанились фарсово важно.

Я выходилъ одинокій за двери притона.—
Слушалъ романсы ботинокъ моцартнаго тона...
И послѣ оргій мечталъ о влюбленьи Платона,
Взоромъ увязнувъ въ разводахъ небесно-кретона.

Ноздри кололъ шепелявый наркозъ кокаина...
Грезы сманила, заросшая макомъ, долина,
Сердце пищало, какъ будто оно—окарина,
«Ахъ, ну не все ли равно кѣмъ быть въ сплинѣ?!».

Жизнь... это что? майонезъ шоколада съ горчицей.
Жизнь... Это — Острь. — Прокаженный на ложѣ съ царицей...
Ландышъ въ навозѣ... Мулатка и мужъ свѣтлолицый..
Пьяный пьянилъ я, неистово, мысли столицей.

Ахъ, этотъ городъ—цыганка съ очей поволокой...
Четвертовалъ онъ меня затагнно жестокій.
И раскололъ, какъ когда то бензойнаго Блока,
Всхлипы души—на цѣпочкѣ свершеній—брелоки...

Шапка паяца... бубенчики... шаржныя мины...
Дѣвушки милыя, бросьте въ поэта жасмины!..
Я не хочу! . не хочу снѣгорозъ кокаина...
Дѣвушки милыя, бросьте въ поэта жасмины!..

РАСКРОЙТЕ ДУШУ.

Раскройте душу... Не бойтесь!
Нежеланное входитъ въ закрытую дверь.
Воруютъ у слѣпыхъ... Успокойтесь
И вѣрьте!...

Зовите женщинъ, если вы мужчина...
Зовите мужчинъ если вы Ню,
Въ жизни много чиновъ, живите безчинно!...
Хотите, у дверей вашихъ душъ позвоню?!

Смѣлы? Звоните сами къ поэту
Онъ поможетъ вамъ душу раскрыть...
Прекрасно это—
Съ раскрытой настежь душой жить!...

ВСЕНѢЖЬ.

Дѣвушкамъ съ голодными глазами стоящимъ у самой моей эстрады.

И еще хочу возгласить съ надеждой
Необходимость Нѣжности на землѣ..
Мужчины!.. Назовите Нѣжность невѣстой...
Поставьте ея портретъ у себя на столѣ.

Даже, если портретъ просто вѣтка сирени,
Мечтайте съ цвѣткомъ свадьбу сыграть!..
Пусть будетъ Нѣжности вѣчнымъ видѣніемъ
Сирень во льду баккара.

И, вы Женщины, рожденныя изъ Нѣжности
Изъ морской пѣны, луны и мѣховъ,
Добровольно отдайтесь во власть неизбѣжности
И замѣните Нѣжностью жениховъ.

Это значитъ, увидѣвъ печально-грустнаго
На улицѣ, въ театрѣ, у ночныхъ витринъ
Коснуться лучами улыбки устъ его
Показавъ, что для него вы воткнули эспри.

Это значитъ, почувствовавъ совершенно ясно,
Что вы и нищій для солнца—одно,
Подойти къ нищему съ гвоздикой красной
Изъ цвѣтка вмѣстѣ тянуть вино.

Это вѣдь можно, если въ Нѣжность повѣрить!.
Если на минуту, не смотря на то,
Что въ сердце каждаго заперты двери,
Распахнуться для нѣжныхъ ртовъ...

И съ душой на распашку пойти на распашку
Кочковатой почвы земли!..
Вѣдь солнце снимаетъ ночи рубашку...
Женщины...а вы бъ могли?!.—

На зарѣ каждый день срывать шемизетки,
Чтобъ горѣть для всѣхъ, обнажась?..
Нѣтъ?! Такъ отчего же вамъ странно, дѣтки,
Что солнце всемірнѣе васъ?!

Научитесь солниться и вы немного,
Чтобы равными утру быть.
И тогда превратятся ваши ноги
Въ архангельскія двѣ трубы...

И когда вы нагая въ оттѣнкахъ Аи
Развернетесь, для всѣхъ, какъ цвѣтокъ,—
Съ человѣческихъ чувствъ сойдутъ лишаи,
Ихъ смоетъ Всенѣжи потокъ!

ЕКТЕНІЯ ПОЭТОВЪ.

Душа томится...
Раскололась,
И мы расколемся...
Надо молиться...
,Съ миромъ Господу помолимся!..“

Помолимся сердцемъ, какъ фрезіи,
Сердцемъ, какъ дѣвность снѣговъ.
„Да, Воскреснетъ Богъ Поэзіи
И, да расточатся Врази Его!..“

Каждый поэтъ, большой и малый,
Новую пѣсню куй!
Мы не отсверкали
„Исайя Ликуй!“

И пошелъ я дѣвушекъ кликать.
Чтобъ несли души росу.
Слышалъ бѣшенный крикъ Лантерика,
Дико,
Звавшій
Съ десу...

Но на зовъ духовъ не отвѣтилъ,
И тихо къ дѣвушкамъ шелъ.
Былъ звоненъ, былъ чистъ, былъ свѣтелъ,
И дѣвушекъ нашелъ.

Онѣ припали къ гранитамъ.
Какъ долго, какъ долго я звалъ!..
Молчали хмурыя плиты,
И городъ молчалъ.—

Я крикнулъ: „Придите!.. Придите!..
Мы васъ ждемъ у витринныхъ лампадъ.
Сокъ души для пѣсенъ несите...“
И ушелъ назадъ.

Я дѣвушекъ нѣжныхъ не видѣлъ,
Но біеніе слышалъ сердецъ.
Я ихъ Чистыхъ ничѣмъ не обидѣлъ...
Повѣрь, о, Святой Отецъ!..

Души Поэтовъ томятся,
Томятся по Нѣжнымъ давно...
Новыя пѣсни роятся,
Снятся,
Пурпуря дно.

„Приходите!..“ я крикнулъ въ свѣтлицы—
„Не придти на Мессу нельзя...“
И меня увела по столицѣ
Освѣщенныхъ панелей стезя...

Въ пути я встрѣчалъ поэтовъ,
Говорилъ: „Я не видѣлъ Ихъ,
Но монашекъ рубашки раздѣты,
Готовьте молитвенный стихъ.“

Идемте скорѣй на панели
Невѣсты насъ вмѣстѣ ждутъ.
Гамены стихирь одѣли,
Поютъ...

Пришли. Ихъ нѣтъ. — Сверкаетъ
На мѣхахъ брилліантный крестъ...
Вьюга мелькаетъ,
Таетъ,
Но не видно Бѣлыхъ Невѣстъ.

Электрическія лампады,
Не мигая, горятъ...
И только кокотки обряды
Творятъ.

Черныя муары—ризы—
Строгія ризы грѣха...
У гетеры и у маркизы
Молитва тиха.

Будемъ молиться съ гетерой,
Чтобы новою жизнь была...
Вмѣсто ладана парфюмерій
Колетъ
До боли
Игла.

Съ женственной нѣгой Келькъ-Флера
Споритъ лукавый Вертижъ...
Въ сердцѣ короткая ссора
И вскорѣ —
Тишь.

Со мною рядомъ тонкая,
Тонкая кокотка въ манто.
Она—съ иконкою звонкою,
На ней палантинъ изъ кротовъ...

Она душистая, мшистая,
Какъ снѣжный, нѣжный звонъ.
Лицо у нея серебристое,
Мглистое, какъ небосклонъ.

Уста ея пылаютъ...
Изнываютъ...
Таютъ...
Жгутъ.
Уста ея устъ ожидаютъ,
Гложутъ,
Тревожатъ,
Зовутъ...

Она пришла помолиться;
Ее привелъ Пьеро,
Чтобъ остро
Опьяниться
Блудницей,
И потомъ плясать болеро...

И еще,. еще другія
Идутъ на свѣтъ лампадъ...
Онѣ и въ мѣхахъ—магія
Алмазы ихъ тѣлъ блестятъ.

Изъ авто вышли подруги...
Длинныя лица блѣдны.
Въ глазахъ ихъ—музыка вьюги,
Грѣховные,
Зовные
Сны.

Въ ихъ пальцахъ сложенныхъ вмѣстѣ
Орхидеи—феи зла...
Эти двѣ: Женихъ съ Невѣстой
Въ аметистныхъ мѣхахъ шеншила.

Идутъ, идутъ Поэты,
Чтобы новья пѣсни пѣть.
Но душа ихъ въ мѣхъ одѣта...
Въ ней—грѣхъ,
И ей не летѣть!..

Одни опустили четки...
У другихъ лорнетъ затихъ.
Брилліанто-крестами кокотки
Поразили,
Пронзили
Ихъ.—

«Отчего такъ много кокотокъ,
Такъ много кокотокъ здѣсь?!
Неужели изъ дѣвушекъ Кто то,
Кто то высосалъ сокъ ихъ весь?!.

Неужели дѣвушки въ страхѣ
Отказались придти на панель,
Когда пасть жасминной рубахѣ
Приказала святая цѣль?!.

Убоялись?!. Милѣй имъ дрема!..
Не зажгли свѣчу души...
Обнажись царица Содома!..
Обнажиться всѣмъ прикажи»..

Задрожали витринъ лампады
Отъ такихъ неожиданныхъ словъ.
И кокотки, сорвавъ наряды,
Превратили алтарь въ альковъ...

Тонкая съ иконкой маленькой
Обнажиться дала приказъ...
Вспыхнулъ ротъ ея аленькій
И погасъ.

Но увидѣлъ я то, что надо мнѣ
И пошелъ за Царицей я,—
Была цикламенно-ладанной
Черная Ектенія...

«Плотскому тѣлу—Вакхальное!..
Кокотки ему хороши...
А гдѣ напѣвы пасхальные,
Дальніе,
Воскресшей души?».

Но поэты обнявъ кокотокъ
Оглушились набатомъ зла.
Острія четокъ—
Плетокъ

Кусали,
Рвали
Тѣла.

Лишь двѣ съ лицами странными
Не сняли сиреневый мѣхъ,
Остались для всѣхъ чужестранными,
И былъ въ нихъ высшій грѣхъ.—

А я съ кокоткой тонкой,
Желая любить остро—
Сѣлъ въ авто. И плача ребенкомъ,
Пьеро плясалъ болеро.
. . . .

А потомъ сошлись мы вмѣстѣ
У вялыхъ, усталыхъ ракитъ..
„Братья, гдѣ же невѣсты?..“
Каждый молчитъ.

Душа растеряла всѣ перья,
Бившихся,
Вившихся крылъ,
„Что же,—опять—Невѣрье?...“
Я спросилъ.

Но гдѣ то колоколъ дрожный
Осторожно
Надежду несъ.—
„Братья, я знаю, можно
Испить намъ Дѣвьихъ Росъ...“

И пусть, грѣхомъ палимы,
Мы сняли съ гетеръ мѣха...
Забудемъ!..
Иже херувимы
О чудѣ
Будемъ вздыхать...

Сердце—черныя фрезіи...
Тѣло съ кокоткой нагой...
Но воскреснулъ богъ Поэзіи,
Расточились Врази Его!...

Душа томится попрежнему,
Но съ грѣха свалился мѣхъ;
Не дадимъ...не дадимъ одеждъ ему.
Нынѣ и присно, во вѣкъ...

Къ раздѣтой душѣ, раздѣтыя
Дѣвы
Для сѣва
Придутъ...
Нѣгою въ снѣгѣ согрѣтыя,
Душистый сокъ принесутъ!...

Скоро съ тобой мы расколемся
Черная Ектенія...
„Съ миромъ Господу Богу помолимся,
Да святятся Люди Твоя.“

РОЩА ДНЕЙ.

Всеволоду Иванову съ вѣрой,
что это будетъ.

Ростки... Ростки...
И дней побѣги.
Тоски
Не надо
У сада
Нѣги.

Въ кольцѣ огней
Зѣваютъ пушки...
Слышнѣй
Зовутъ
Въ уютъ
Опушки...

Трава въ росѣ...
Рѣчные бульки...
И рады всѣ:
Шмель...
Ель...
Косульки...

Настанетъ день,
Который не былъ!.
Вездѣ
Простой,
Святой,
Какъ небо.

КАМЕННОДУШИМЪ.

Н. В. Устрялову во славу созиданія.

Жалѣете Реймскій соборъ?!.
Скорбите о порчѣ Лувена.
А то не страшитъ, что живые собой
Платили за мертвыя стѣны?!.

Живые нужны, а соборы построимъ
И новыя книги дадимъ.
И будутъ соборы прекраснѣе Трои.
А книги свѣжѣе воды...

Вамъ жаль своихъ пыльныхъ ,какъ вы,
пинакотекъ?!.
Бездушная жалость рабовъ!...
Живой... это больше большихъ библіотекъ!
Живой... это выше чѣмъ Реймскій соборъ!

ОБЛАКА.

Облака!...

Лакать
Не уставая—
Этой стаи
Вышній
Пышный летъ,—
И душа
Надземно выростая,
Хороша...
Воздушна...
И поетъ:

Были дни...
И есть они...
И будутъ!

Дарій...
Гунны...
Скифы...
Ганнибалъ...

Но въ вѣкахъ
Не измѣнилось чудо
Облаковъ—
Чей летъ—жемчужный балъ.

Всѣ эпохи—тамъ...
Перегорѣли.—
Всѣ дѣла воздушны
И скользятъ.—
Дни цвѣли...
Цвѣтутъ...
Вотъ облетѣли...—
Облака лишь выжелтить нельзя!

Облака—всѣ мы:
И ты...
И этотъ...
И любовь...
И злоба...
И тоска...
И душа убійцы,
И—поэта...
Каждый разный любитъ облака.

Часто—часто никнутъ надо мною
Бездны неба въ пепельныхъ тонахъ,—
На мгновенье вижу жизни дно я—
Правда вотъ!.

Минута...

Не она!

Облака бѣгутъ...бѣгутъ и нѣжатъ.
Кровь земли на небѣ—дымный ледъ.
Въ облакахъ, быть можетъ, вздохъ изъ
Льежа
И слеза парижскаго камло...

Въ облакахъ, быть можетъ, стоны павшихъ,
Тѣхъ, что „какъ то". умерли въ кустахъ—
Безъ того, чтобъ кто нибудь рыдавшихъ
Бережно поцѣловалъ въ уста.

Бедуинъ, затерянный въ пустынѣ...
Дѣвушка, изсохшая въ камняхъ,—
Всѣ они въ лазоревой равнинѣ
Ѣдутъ на стогорбыхъ облакахъ...

Все—вверху:
Минуты...
Дни...
Эпохи...

Комнатки...
Бульвары...
Города...

Ближе всѣхъ къ заброшенному Богу
Облаковъ пушистая гряда!

Ближе всѣхъ... внимательнѣй... и чище...
Потому то вѣчно отъ земли
Черный взоръ стремится въ высь и ищетъ
Облаковъ надмірныхъ корабли...

И поэтъ, влачащій цѣпи будней,
И торгашъ—мечтательный на мигъ,—
Въ облакахъ читаютъ сказъ о чудномъ,
Отъ земныхъ освободясь веригъ.

«Не грустите дѣвушки о смерти...
По душѣ земная вамъ игра,
Но для васъ на небѣ—намъ повѣрьте—
Ужъ давно готовъ Жемчужный Храмъ!».

Въ облакахъ—невоплощенья Баха...
То, что думалъ выпѣть Берліозъ,—
И о чемъ хотѣлъ Бетховенъ плакать.
И дожди, на жизнь не павшихъ, грезъ.

Все равно имъ, что земля содѣетъ...
Все равно имъ, лѣто иль зима...
Пробѣгаютъ...
Таютъ...
Пляшутъ...
Рѣютъ...
Лишь для нихъ весь Космосъ—не тюрьма.

И когда уснувшія долины
Вспоретъ аль предзорьнаго клыка,
Какъ всегда воздушны и невинны
Тамъ—
Вверху—
Пасутся облака.

И надъ дикимъ воемъ страшныхъ пашенъ,
Надъ пожаромъ, болью и войной,—
Съ каждымъ мигомъ радостнѣй и краше,
Облака суютъ звено въ звено.

День и ночь.
Прозрачный, мудрый вечеръ
Розовый, какъ дѣвушки щека...
Неизмѣнно зажигаютъ свѣчи
Въ потемнѣвшемъ небѣ облака.

И всегда, всегда они надъ нами...
И всегда намъ милъ ихъ нѣжный слѣдъ.
Пусть ступаютъ дни, бредя слонами,—
Облаковъ не растоптать имъ... Нѣтъ!..

Облака:—
Пролетность...
Мимолетность.
Легкій пухъ...
На раны жизни—снѣгъ.

Облака:—
Рѣка...
Вѣка...
Дремотность...
Благодать нѣжнѣйшихъ самыхъ нѣгъ.

Тяжесть жизни въ небѣ—росный ладанъ.
Дымки сновъ—желѣзные вѣка...
Для мечты—сладчайшая услада
Облака...
Тамъ—
Въ небѣ—
Облака...

СОДЕРЖАНІЕ.

I. РАЗБРЫЗГЪ.

II. РУПІИ ХРУПИ.

III. ЛАГУНЫ ЮНИ.

IV. СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

V. ЛАСКОВАЯ АТАКА.

Сборникъ стиховъ „Кіоскъ Нѣжности" отпечатанъ и сброшюрованъ въ Типо-литографіи Т-ва „ОЗО" въ Харбинѣ.

Бумага для этого изданія изготовлена по спеціальному заказу. „Кіоска Нѣжности" выпускается 1200 экземпляровъ. 75 нумерованныхъ экземпляровъ въ переплетахъ изъ китайской и японской парчи.

Обложка работы Николая Гущина.

СТАТЬИ
И
ВОСПОМИНАНИЯ

Собранные в данном разделе материалы лишь пунктиром рисуют сложную и противоречивую жизнь С. Я. Алымова (1892-1948); некоторые из них окрашены пристрастным отношением авторов к изображаемому ими человеку, не говоря о тех или иных неточностях.

В них мало упоминается о самом темном периоде жизни С. Алымова – годах скитаний после побега из ссылки, в том числе пребывании в Австралии. В явно «советизированной» автобиографии, хранящейся в РГАЛИ, поэт писал: «В июле 1917, выехав из Австралии вместе с другими политэмигрантами на родину, пробыл на Дальнем Востоке, жил в Маньчжурии, в Китае, посещал Филиппины, Гонконг, Корею и Японию, острова Тихого и Индийского океанов, занимался в основном литературой и принимал участие в работе советских организаций. Был членом Президиума Пролеткульта во Владивостоке в 1921 году, служил при советской администрации на КВЖД». Немногочисленные биографы указывают, что поэту довелось побывать землекопом, грузчиком, лесорубом, сборщиком сахарного тростника, работником скотобойни, цирковым борцом, актером варьете и т.д.

Заметным было участие Алымова в деятельности литературного авангарда во Владивостоке, в том числе Литературно-художественном обществе Дальнего Востока (ЛХО). Он публиковался в журнале «Лель», журнале дальневосточных футуристов «Бирюч» (1920) и журнале «Творчество», в январе и апреле 1920 г. был премирован, соответственно, на проведенных ЛХО конкурсах беллетристов (за рассказ «Почему я убил его») и поэтов. В одном только апреле 1920 г., перед отъездом в Харбин в мае, Алымов выступил на закрытии «1-й международной выставки картин», «Весеннем футурконцерте» и вечере памяти Скрябина; на открытии сезона в театре-кабаре «Би-Ба-Бо» были показаны его скетч, пастораль и «диссонеск». А в октябре-декабре 1920 г. Алымов уже пытается организовать в Харбине отделение ЛХО, выступает на диспутах и вечерах, совместно с Н. Устряловым выпускает два номера весьма интересного литературно-художественного журнала «Окно» и публикует «Киоск нежности».

Середина 1920-х гг. отмечена для Алымова коммунистическими симпатиями. После открытия в Харбине советского консульства Алымов принял советское гражданство, а в 1926 г. уехал в СССР.

Очевидно, иллюзии быстро развеялись, а спасением для Алымова стала маска «поэта-песенника». Сам отсидевший в лагерях, Алымов имел мало причин испытывать любовь к сталинскому строю и лично к кровавому «отцу народов»: в 1937 г. был расстрелян брат поэта Михаил, арестована сестра жены. Красноречивый севастопольский эпизод 1942 г., когда Алымов прилюдно расстрелял из пистолета портрет Сталина, говорит сам за себя.

Известной загадочностью окружена смерть Алымова: по рассказам современников, он был сбит машиной у кафе «Националь» на улице Горького при незначительном движениями транспорта.

Книжная библиография С. Алымова невелика. Это харбинские книги стихов «Киоск нежности» (1920) и «Оклик мира» (1921); в некоторых источниках фигурирует также неуловимая «Арфа без молний» (1922). Ни одна из харбинских книг до сих пор полностью не переиздавалась. В СССР вышли книги прозы «В

атласной темнице» (1928), «Нанкин-Род» (1929, 1930), пьеса «Присяга» (совместно с Б. Леонидовым, 1937), сборники стихов и песен «Песни» (1939), «Все для победы!» (1942), «Этих дней не смолкнет слава» (1946), «Стихи и песни» (1949), «Избранное» (1953). Опубликованные вне сборников стихотворения и поэмы, рассказы, эссе и статьи Алымова дальневосточного периода остаются несобранными и не переизданными. В фонде Алымова в РГАЛИ хранится значительное количество неопубликованных материалов; среди них не только переписка поэта и воспоминания о нем, но и ушедшие «в стол» поэтические сборники и циклы стихотворений, включая написанные в Бутырках и на Соловках – «Снеготай», «Запретосад» («Пьяное сердце»), «78-я», «Ленинград», «Разлука» и др. (некоторые из них рассмотрены в работах Л. Ф. Алексеевой и Т. Ф. Жаворонковой).

Затем, напутствуемый особой рекомендацией Бурлюка, как специалист по эротизму, произнес речь Алымов. Достодолжно прославив любовь «Кентавров с сатирессами на алых анемонах Эллады», докладчик довольно смело пустился в исторические экскурсы. Смелость исторических «изысканий» очень часто приводила его не туда, куда нужно. С маркизами и Ватто он попал, вероятно, по обмолвке, в 19-й век, Мессалину перетащил в эпоху ренессанса и т.д. Но, самое важное, он перепутал настолько предмет своего доклада, что неизвестно, чего он, в конце концов, добивался: установить ли пример совершенного проявления эротизма в жизни или наиболее удачное изображение его в искусстве? Говорилось и о любви в «каменных животах катакомб» и самом «сочном эротике» Бурлюке.

Москвич. Концерт футуристов [О «Весеннем футурконцерте»] // Голос родины (Владивосток). 1920. № 176, 29 апреля.

...Напряженная атмосфера ожидания. Довольно загадочные плакаты обещают нечто необычно-волнующее...

На сцене за столом трое: председатель Н. В. Устрялов, по его правой руке сидит Асеев, слева – Алымов.

<....>

После паузы говорит Алымов. Темпераментно, сильным уверенным голосом. Рисует Маяковского – поэта динамики, поэта художественного и жизненного напряжения.

Голоса тех, которые пришли, притянутые аршинной буквой афиш, требуют: «Религию!»

– Религию?.. – Наш бог – бег, отвечает Алымов словами Маяковского. Бег, сила, динамика, повышение температуры жизни. А довод, наиболее внушительный довод нашей стальной эпохи «товарищ маузер». Материалистическая мистика железа и крови... И отчеканенные, как поход баталионов, повелительные и властные, как грохот пушек, звучат строфы «Левого марша»:

Пусть бандой окружат нанятой,
Стальной изливаются леевой...
России не быть под Антантой. –
Левой!.. Левой!.. Левой!..

– буря одобрения покрывает последние слова этого стихотворения, которым Алымов заканчивает свой доклад.

<....>

Председатель вызывает желающих возражать. На сцену выскакивает прис. поверенный Ротт и в речи обнаруживающей удручающее непонимание поэзии Маяковского и поэзии вообще – «какая это поэзия, которую нужно объяснять?»

«Поэзия – не ребус», «Плюсквамперфектисты» (sic!) – пускается в площадные, дешевые нападки по адресу молодых поэтов, Маяковского и нового искусства. Выпалив залпом весь свой полемический запас и сделав презрительный жест в сторону докладчиков, не выслушав возражений, Ротт победоносно скрывается в ресторане.

Тогда с заключительным словом выступает Алымов, который отметив странный выпад Ротта, не относившийся к существу рассматриваемых докладчиками вопросов и имеющий все явные признаки хорошего «лумпенпролетарского» тона, набрасывает едкую и уничтожающую характеристику профессиональных поверенных «чистой культуры», страдающей от грубого обращения «молодцов» новой поэзии. Вывернув наизнанку пустую оболочку интеллигентов «защитного от живой жизни цвета», Алымов под шумные овации аудитории заканчивает свое возражение вызовом всех желающих полемизировать с представителями нового искусства явиться на специальный, посвященный этому вечер.

«Религия революции» (Коммммерч. Собрание, 3 декабря 1920 г.) // Окно (Харбин). 1920. № 2, декабрь.

[Алымов] свободно передает легкий внешне жаргон Северянина, очень часто его метафора гиперболизирована до пределов Маяковского, его увлекает иногда простота и умудренность хлебниковской раскрепощенности формы. Но это не стилизация, не подражание той или иной самобытной форме. Это именно легкая текучесть врожденной техники, которая, не «размозолев от брожения», вытанцовывает свой тревожащий мир танец, а течет, серебристо звуча и отражая бегущие формы вечно изменяющихся облаков.

Асеев Н. Преображение нежности // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1920. № 464, 10 ноября.

Беженская волна выбросила в Харбин много артистов, художников, поэтов. Так, около 1919 года, возникла студия «Кольцо». Кумиром харбинской молодежи был тогда Сергей Алымов. Она с ума сходила от его «Киоска нежности»:

Ты пришла, наконец, ты пришла,
Дорогую сняла свою шляпу,
И, смеясь, сенбернара взяла
За большую мохнатую лапу.
Уронила на скрипку манто,
Протянула капризно уста мне,

И поблекшей гравюре Ватто
Улыбнулись колец твоих камни.

Спустя несколько лет эти же бывшие поклонники Алымова возмущались: – Сколько народу отравил своей парфюмерией!

Приводили в пример барышню, считавшую себя его ученицей:

Атташе посольства с дамой полусвета,
С дамой полусвета, в бархатном манто…

И тут Алымова защищали его постаревшие сверстники: – Ну, это растяжимо. У одних такое стремление к «нарядности», как у вашей барышни, – от природной пустоты, а у других – от опустошенности. Как бред тифозного в грязном окопе, как протест против отнятого…

Алымов прожил в Харбине лет семь. Ему не везло. Стихи не кормили, пришлось пойти работать в газету репортером. Стал пьянствовать, буянить. На балу в «Модерне» разбил кому-то физиономию. Иногда допивался до того, что знакомые отшатывались от него на улице. В последний раз я видела Алымова в 1926 году, в кабаре «Фантазия». Он явился туда грязным, небритым, в опорках на босу ногу, в пальто, под которым, вероятно, ничего не было. Присел на перила одной из лож и, болтая голыми ногами, заговорил со знаменитой тогда в городе красавицей. Красавица, вся в золотых кружевах, – смутилась, муж ее вызвал метрдотеля. Публика заволновалась – будет скандал! Но скандала не было. Метрдотель прибежал, пошептал что-то на ухо Алымову: тот встал, грустно обвел всех своими чудесными глазами: – Разве я кого-нибудь обижаю… – и тихо вышел, придерживая у горла воротник пальто.

Вскоре после этого Алымов уехал в СССР.

Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник: О дальневосточных поэтах // Возрождение (Париж). 1968. № 204, декабрь.

В Харбине с успехом подвизались поэты: Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Яков Аракин, Венедикт Март, Александра Паркау.

Силы были значительные, начали издаваться литературные и общественно-литературные журналы – «Окно», «Русское обозрение», газета «Рупор» с ее литературными страницами, другие.

О Сергее Яковлевиче Алымове (род. в 1892 г.) в «Большой Советской энциклопедии» сказано мало и глухо – конечно, из-за его эмигрантской биографии. Целый долгий период его жизни — я имею в виду очень плодотворный для поэта – харбинский, – полностью скрыт. Его публикации харбинских лет – не названы, жизненные интересы – не раскрыты, живого человека – не разглядеть. Со страниц энциклопедии Алымов представлен только как автор по-

пулярных песен «Бейте с неба, самолеты», «Пути-дороги», «Песня о России», «Вася-Василек» и (в его литературной обработке) известной со времен гражданской войны песни «По долинам и по взгорьям...» (слова П. Парфенова). Помните?

…«Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот…
Разгромили атаманов, разогнали воевод,
И на Тихом океане
Свой закончили поход».

Вспомнить о ней тут, в этой книге, по-моему, вполне уместно.

Из книг С. Я. Алымова названы только: Песни. М., 1939; Стихи и песни. М., 1949; Избранные стихи. М., 1953. И все!..

А у Алымова – пестрая биография и опубликованных сочинений гораздо больше…

Родился он в Харьковской губернии; за участие в революционном движении в 1911 г. сослан в Сибирь; из ссылки бежал за границу; жил в Японии, Австралии и Китае; перепробовал профессии: разнорабочего, грузчика, актера варьете, циркового борца, редактора-издателя. «Высокий, красивый, с большими татарскими темными глазами» (Сафонова О. Пути неведомые: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949. Мюнхен, 1980, с. 107).

В Харбине выпускал вместе с Е. С. Кауфманом газету «Рупор», вместе с профессором Устряловым – журнал «Окно»; издал свои сборники стихов «Киоск нежности» (1920), «Пьяное сердце» (1922), массу совершенно прелестных эссе, стихотворных переводов с китайского и японского; писал рецензии на театральные постановки и художественные выставки. Основатель харбинских шантанов: клуба «Шантэклер», кабаре «Черная Кошка», «Кабачок Богемы» – вел в них (на высоком, надо сказать, художественном уровне!) литературно-художественную часть, выступал как артист, пел, танцевал… Поэт. И в свои 30 лет первый в Харбине забияка, скандалист и даже… дуэлянт. В 1924 г. провел за это 20 дней в харбинской тюрьме и заплатил большой денежный штраф…

Вернулся на родину в 1926 г. Спустя несколько лет в харбинских газетах писали, что Алымов отбывает срок в Соловецких лагерях. Но уцелел. Умер в Москве 29 апреля 1948 г.

Как видим, Алымов вел бурную «богемную» жизнь, был дьявольски талантлив и, может быть, именно поэтому мало работал над отделкой своих многочисленных в 20-е годы работ. Это подметил С. А. Маманди. В заметке «В “Черной Кошке:" он писал:

“Черная Кошка” продолжает быть интимным кабачком значительной части местной богемы. Любимым автором здесь по-прежнему является молодой поэт Сергей Алымов, умеющий сочинять, но не желающий работать над своими грациозными выдумками. Для примера укажу некоторые строки из его новой “шануаретки”. Нельзя сказать “фрак души раздев”, это не по-русски; русский че-

ловек сказал бы: “фрак снять”, а не “фрак раздеть”. Нехорошо звучит: “На себе исполнил пару огненных сонат”. Стихотворный юмор имеет свои законы и свои пределы. Совершенно неправильно указание, что “цветы живут весною, осенью их нет”. Все эти шероховатости – результат непростительной для молодого автора небрежности".

Его «Киоск нежности: Лирика женщины, изысканности и любви: Стихи» (обложка московского художника Н. Гущина). Харбин, 1920 — был встречен в Маньчжурии и Харбине восторженно. Алымов стал кумиром молодежи.

В «Рупоре» С. Алымов был редактором, заведующим литературной частью, и сделал для становления газеты очень многое. Главное — он превратил ее в зеркало артистической и литературной жизни Харбина, что делает «Рупор» сегодня исключительно ценной для бытописания города (т. е. во многом в первую очередь для историков Харбина). При Алымове в «Рупоре» печатались все харбинские поэты и прозаики.

«Литературно-художественный театр» – так именовал себя шантан Алымова «Кабачок Богемы» (характерным подзаголовком) располагался в доме Хаиндрова по Китайской, 44. Имел президиум: Л. Х. С., С. Алымов, М. Бакалейников, Я. Градов, И. Дальгейм и Борис Радов. Таинственный «Л. Х. С.» – кто это? Я выяснить не сумел.

Кабачок имел хорошую литературную часть, с его сцены звучали пародии, шаржи, интермедии, шутки. «Вся богема у себя в кабачке. Вход бесплатный. Ресторан при театре И. Л. Хаиндрова открыт круглые сутки», – взывала реклама.

В 1920 г. второй премьерой в «Кабачке» исполнялись «Пантеон любовниц» и пастораль «Последний мираж», автором которых был С. Алымов.

Заведовал он и литературной частью театра-кабаре «Кривой Купидон», имевшего летний сад (Магазинная, 3).

Объем книги не позволяет рассказать о С. Я. Алымове больше.

Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003.

Я часто виделся с Сергеем Алымовым и его женой Машей. Алымов, отличный парень, жил в Австралии и прославился песнями, которые стали очень популярными в Красной армии. Его песни обеспечивали ему определенную степень защиты. Он мог говорить многое из того, за что другим бы не поздоровилось. И хотя он был яростным патриотом России, у меня сложилось впечатление, что марксистскую идеологию он ни в грош не ставил. У Алымовых всегда хватало копченой севрюги, хорошего хлеба и водки, а за столом говорилось обо всем на свете. Перед моим уходом Алымов и его друзья подарили мне одеяло, что среди русских, как и эскимосов, считалось знаком уважения.

Дос-Пассос Д. Лучшие времена: Из «Российских дневников» // Огонек. 2000. № 26, 31 июля. Запись относится к 1928 г.

К. Гнетнев

«Соловей» Беломорстроя

Едва ли найдется на обширных пространствах СССР литератор, который так много и так искренне послужил делу строительства Беломорско-Балтийского канала, как это сделал известный советский поэт Сергей Яковлевич Алымов.

Битва наша смелая,
Темпов не сдадим,
Балтийское и Белое
Моря соединим!
(Алымов)

На Беломорстрое, а точнее в Беломорско-Балтийском исправительно-трудовом лагере НКВД СССР, привечали всякого, у кого обнаруживался хотя бы мало-мальский литературный талант. Здесь «к штыку приравняли перо» в буквальном смысле слова, ничуть не смущаясь малости талантов. Для работы в культурно-воспитательном отделе и его подразделениях на местах (КВЧ) были привлечены десятки самодеятельных поэтов-заключенных. За два неполных года строительства наиболее известными стали бывший театральный режиссер Игорь Терентьев, бывшая проститутка Леля Фураева, уголовник-«бытовик» Лаврушин, Сергей Кремков, а также другие з/к з/к (таким было официальное, в лагерных документах, обозначение заключенных во множественном числе – *прим. К. Г.*) – Карелин, Карюкин, Смиренский, Дмитриев, Дорофеев...

Образчиками творчества поэтов «каналоармейцев» заполнялись страницы многочисленных стенгазет, центральной (выходившей в Медвежьей Горе) общелагерной газеты «Перековка» и ее отделенческих выпусков. Они писали возбуждающие энтузиазм тексты для театральных постановок в отделениях строительства, слоганы для агитбригад, восхваляющие воспитательную политику ОГПУ и трудовые подвиги ударников, а также содержащие уничижительную критику разного рода «филонов» и «отказчиков». Разумеется, качество этой поэтической продукции не выдерживает никакой критики. Но это никого особенно не смущало. Ведь у авторов ни опыта, ни необходимой школы, ничего, кроме, разве что, энтузиазма, за душой не было. К тому же аудиторию составляли десятки тысяч полуграмотных или вовсе неграмотных людей. Да и вообще работа на вечность в лагере мало кого интересует, в том числе и поэтов. Выжить бы.

Шлю письмо тебе, моя мамаша,
И прошу прочесть его родным,
Что любимый сын на Белморстрое
Стал теперь ударником большим.
(Лаврушин)

Шире знамена развертывай,
Солнце червонцы льет.
Это – наш слет четвертый,
Это – решающий слет.
(Кремков)

У буржуя за границей
Скрюченные пальцы.
Поперек им горла стали
Красные канальцы.

Пусть не верит заграница –
Ошибется, дура,
Тут у каждого братка
Во – мускулатура.
(Терентьев)

Тем более заметным становилось здесь появление поэта известного, обладающего профессиональными навыками, имеющего уверенную руку и собственный стиль. Вовсе не случайно, Сергей Алымов очень быстро стал весьма заметным сотрудником КВО Беломорстроя на всем протяжении строительства от Повенца до Сороки и желанным автором многочисленных лагерных изданий. А в среде руководства, инженеров и простых лагерников оказался весьма уважаем и даже популярен. Я видел его фотографию, вероятно, лета 1932 года. Ничего в нем нет от заключенного: длинное кожаное пальто, хромовые сапоги, стальной взгляд под козырьком кепки... Замени кепку на фуражку со звездой, и вот он перед тобой – настоящий чекист.

Так кто же такой поэт Сергей Алымов? Кем он был до Беломорстоя? Что оставил после себя? И что с ним стало потом?

Сергей Яковлевич Алымов родился 10 апреля (29 марта по ст.ст.) 1892 года в селе Славгороде Харьковской губернии Ахтырского уезда. О своей семье он писал мало, известно только, что маму звали Вера Ивановна Алымова, а брата Михаил Яковлевич.

С. Я. Алымов поступил в Харьковское коммерческое училище, однако учебу не закончил, поскольку был исключен в 1908 году. Позже, оформляя документы в Союз Советских писателей (ССП), сам Сергей Яковлевич причину исключения указал так: «за руководство забастовкой учащихся». По его словам, в юношеские годы он очень активно занимался революционной борьбой с ненавистным царизмом, учился марксизму в кружках, составлял прокламации, распространял нелегальную литературу. Несколько раз бывал арестован, сидел в тюрьмах в разных городах, страдал за народ, иными словами.

Нужно сказать, что в те годы многие отыскивали и находили в своих биографиях следы революционной борьбы и страданий за нужды простого народа. Делалось это в надежде быть замеченными властью. Однако зачастую подобные «метки» и даже реальные факты, отмеченные в автобиографиях, вовсе не приносили желаемых льгот и поблажек. Не помогли они в трудный момент жиз-

ни и самому Алымову.

При этом остаются неясными мотивы его борьбы за свержение существующего строя в России. Ведь Сергей Яковлевич принадлежал к старому дворянскому роду. Род произошел от Григория Алымова, жившего в XVI веке, и внесен в VI часть дворянских родословных книг Орловской и Смоленской губернии. Среди предков были люди достойные, немало послужившие Отечеству на военной и светской службах: полковник гвардии и армейский полковник, бригадир, тайный советник, коллежские асессоры и даже писательница-переводчик. В первые годы советской власти представитель рода Алымовых стал ученым-экономистом и академиком сразу двух национальных академий в Украине.

Надо полагать, что к началу XX века ответвление рода, которому принадлежал Алымов, пришло в упадок. Сергей Яковлевич не продолжил родовую обязанность государевой службы, священную для российского дворянина. Не поддержал он и семейную традицию многодетства. У Алымовых были семьи, в которых воспитывали... по 19 детей. Такими были, к примеру, семья полковника Иакинфа Евстратовича Алымова, служившего прокурором Московской губернии (умер в 1743 году) и семья полковника Ивана Акинфиевича Алымова, жившего в первой половине XVIII века. Никаких следов того, что Сергей Яковлевич имел собственных детей, мне обнаружить не удалось.

Юношеская революционная борьба в среде анархистов для Алымова закончилась так же, как она заканчивалась и для десятков других «бунтовщиков» – арестом и тюрьмой. Арестованный в очередной раз в феврале 1910 года, он, по его словам, целый год просидел в одиночке и в марте 1911 года был приговорен Харьковской судебной палатой к каторге. Правда, весной того же года суровый приговор заменили ссылкой – ввиду несовершеннолетия преступника. Алымова отправили на поселение в Канский уезд Енисейской губернии. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится копия приговора, вынесенного Алымову и его товарищам Моисеенко и Ефимову за участие в революционной деятельности в составе «Летучей боевой железнодорожной харьковской группы анархистов-коммунистов».

В том же году неугомонный революционер дворянских кровей бежал из ссылки за границу и оказался в далекой Австралии. Кабы знал он тогда, чего ради старается...

Хлеб для Алымова на чужой земле давался трудно. Он работал грузчиком, землекопом, лесорубом, мясником на скотобойнях, чистильщиком сапог при гостинице, на рыбных промыслах, резал сахарный тростник. 16 рабочих профессий пришлось освоить эмигранту из России, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Жизнь заставляла изучать английский язык, он посещал вечерний университет, пытался читать Шекспира, слушал лекции по архитектуре, сам начал писать стихи и сотрудничать с русской и австралийской прессой.

В июле 1917 года, вместе с другими политэмигрантами, Сергей Яковлевич выехал из Австралии на Дальний Восток. Жил в Манчжурии (Харбин), занимаясь в основном литературой, путешествовал по Китаю и Японии. В первые годы после октябрьского переворота он активно участвовал в литературной жизни Владивостока и Харбина в составе дальневосточной футуристической груп-

пы «Творчество», а в 1920 году выпустил книгу стихов «Киоск нежности».

В 1926 году Алымов приехал в Москву и начал сотрудничать с московскими журналами и газетами, занявшись исключительно писательским трудом. Он написал сценарий фильма «из корейской жизни» «Клеймо креста», роман «Нанкин-Род», ряд рассказов и очерков, теперь уже «из китайской жизни», стихи и поэмы на разные темы. Как было модно в ту пору, Сергей Яковлевич съездил в Тулу, познакомился оружейниками и историей города и приступил к работе над поэмой «Оружейники», которую с перерывами писал до Великой Отечественной войны, печатая отдельные законченные части.

В эту пору он обнаружил в себе дар поэта-песенника. С основания в 1928 году Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии под руководством А. В. Александрова Алымов стал одним из его постоянных авторов. На его слова писали песни самые известные композиторы того времени – М. Блантер, И. Дунаевский, А. Новиков, К. Листов, а исполняли наиболее популярные певцы – Павел Лисициан, Сергей Лемешев, Георгий Виноградов, Владимир Бунчиков, Надежда Обухова и другие.

Название этих песен мало что скажет современному читателю: «Баллада про казачку» (М. Блантер), «Вася-Василек» (А. Новиков), «Думка» (К. Листов), «Под луной золотой» (И. Дунаевский), «Пути-дороги» (И. Дунаевский), «Размечтался солдат молодой» (А. Новиков), «Самовары-самопалы» (А. Новиков), «Сталинский закон» (М. Блантер), «У криницы» (А. Новиков), «Хороша ты, Москва» (А. Новиков), «Чудо-городок» (И. Дунаевский) и некоторые другие. В соавторстве с Александром Васильевичем Александровым Алымов написал такие популярные в свое время песни, как «Бейте с неба самолеты», «Песня о Сталине» и другие.

Любопытно, что название одной из наиболее популярных своих песен Сергей Яковлевич весьма неохотно включал в официальные списки произведений. Хотя эта песня, как теперь говорят, была «хитом» нескольких десятилетий и ее знали миллионы. Из детства помню ее и я. Песня называлась «Хороши весной в саду цветочки».

Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке,
Сразу жизнь покажется иной…

Примитивный, если не сказать пошлейший текст самым удачным образом лег на ритмичную, бодрую музыку, и возникло нечто пустоватое, но веселое и возбуждающее. Такие попадания случаются в песенном творчестве. Песня оказалась настолько популярной у слушателей, что Всесоюзное радио постоянно передавало ее, вероятно, до конца 60-х. Тем не менее, Алымов ни разу не упомянул ее названия в своих библиографических списках, которые мне довелось прочесть в его архивном фонде.

Почему так произошло, теперь трудно сказать. Может быть, Алымов был бит за нее властью и коллегами-песенниками, как позже был бит автор другого по-

хожего «хита» под названием «Мишка» («Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня…»). Может быть, как художник, понимал истинную ценность этого произведения про «садочки». Хотя эти предположения весьма спорные. В 1948 году композитор Борис Мокроусов именно за песню на слова «про цветочки», включая еще две других, уже не Алымова («Песня о родной земле» и «Заветный камень») стал лауреатом сталинской премии. Однако совершенно очевидно, что такие песни, как «Вася-Василек» («Что ты, Вася-Василек, голову повесил…») и «Хороши весной в саду цветочки», оказалась гораздо более востребованными в обществе, чем, скажем, «Песня о Сталине».

Иным было отношение Алымова к судьбе другой очень популярной и даже знаменитой песни «По долинам и по взгорьям» («Партизанской»). Текст и мотив этой песни первым записал под Киевом от командира роты 136-го стрелкового полка И. С. Атурова руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии А. В. Александров. Произошло это в июне 1929 года. Текст был, мягко говоря, неуклюж и чрезмерно наполнен просторечными словами: «Из Ленинграду, из походу шел советский красный полк…». На основе первоначального, Алымов создал собственный, новый текст песни и в том же 1929 году включил в литературно-музыкальный монтаж «Особая Дальневосточная армия» под названием «Партизанская».

В течение нескольких лет песня приобрела широчайшую известность не только в Советском Союзе, но и в Испании, Югославии, Болгарии, Чехословакии – в странах, где поднималась партизанская борьба с фашистской оккупацией. Текст буквально разобрали на афоризмы. Фразы из песни стали названиями театральных спектаклей, книг и кинофильмов: «волочаевские дни», «этих лет не смолкнет слава», «разгромили атаманов, разогнали воевод» и так далее.

Однако осенью 1934 года разразился скандал. 23 дальневосточника бывших красных партизана опубликовали в газете «Известия» письмо, в котором заявили, что авторство песни «По долинам и по взгорьям» принадлежит не С. Я. Алымову, а П. С. Парфенову. Якобы, бывший батрак и самоучка Парфенов, кавалер двух Георгиевских крестов, раненый на Западном фронте и в 1917 году ставший членом ВКП(б), еще в марте 1920 года посвятил эту песню легендарному главкому Сергею Лазо, сожженному белогвардейцами в топке паровоза. Завязалась дискуссия, в которой с двумя статьями об истории создания песни выступил сам Парфенов, публиковались свидетельства-подтверждения на этот счет писателей Е. Пермитина, М. Алексеева, П. Низового и других, появились утверждения об иной редакции песни со ссылками на маршала В. К. Блюхера и так далее и тому подобное.

В 1950 году проблемой авторства песни «По долинам и по взгорьям» впервые занялись профессиональные исследователи. Скоро стало ясно, что ни Атурова, ни Парфенова, ни Алымова назвать единственным автором нельзя. Да, каждый из них в той или иной степени, что называется, приложил руку, но не более того. Сергея Яковлевича официально стали считать (и считают до сих пор) автором только литературной обработки песни. С этим определением он не согласился до конца своих дней. Уже после его кончины бывшая супруга М. Ф. Алымова (Корнилова-Гус) настойчиво оспаривала в суде творческий приоритет

мужа, доказывая, что именно он и только он является единственным автором популярнейшей песни «По долинам и по взгорьям». К слову, так же считали и в Союзе Советских писателей.

Но это было потом. А на рубеже 30-40-х годов известного поэта Сергея Яковлевича Алымова арестовали. В конце 1929 года, или в самом начале 1930 года, он оказался в Бутырской тюрьме, где в то время пребывали многие его коллеги по перу. На страну вплотную надвинулась мрачная тень ГУЛАГА.

Об истории ареста, следствии и пребывании в тюрьме сам Алымов не оставил никаких свидетельств. Эти годы напрочь вычеркнуты им из биографии. Даже в официальных автобиографиях он аккуратно обходил эту опасную тему, непринужденно переходя с конца 30-х сразу к Великой Отечественной войне. Оно и понятно: в ту пору подобным не хвастались. Что нам известно об этом периоде в жизни поэта, так это 58 статья УК РСФСР, по которой сажали «контрреволюционеров», и срок заключения в 10 лет, который был определен ему летом 1930 года (конец июня -- самое начало июля)[1].

<....>

Как бы там ни было, летом 1930 года поэт Сергей Алымов ждал этапа в Бутырках.

«4 июля 1930 года. Неожиданное свидание. Маша... Ожидание этапа. Прощание с камерой. Читка стихов. Крепите мужество и умейте страдать... Ночь. Передача вещей. Упаковка...

5-е, суббота. Утро.... Вызов: "С вещами!" Вокзал. Партия – 53. Обмен квитанций... На настоящем вокзале. Столыпинский вагон. Маша с Варей. Газеты, книги, радость видеть любимую... В час сорок прощай, Москва...»

Это страницы из дневника Алымова, который он начал вести в канун отправки из Бутырок в Карело-Мурманский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, а точнее в карельский городок Кемь. Уже тогда Кемь, а точнее рабочий поселок деревообработчиков в нескольких километрах от Кеми – Попов остров (ныне Рабочеостровск), что на берегу Белого моря, становился широко известным в определенных кругах в качестве «ворот на Соловки». Именно здесь располагался Кемский пересыльный пункт (Кемьперпункт), одной из наиболее черных страниц вошедший в историю ГУЛАГА. Отсюда пароходами заключенных доставляли за 60 километров через море на Большой Соловецкий остров, где их ждал СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения НКВД СССР).

Алымов вел дневник до сентября 1931 года (последняя запись 25 сентября). Вероятно, в конце октября – начале ноября 1931 года он был переведен в Медвежью Гору, в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, созданный специально для строительства Беломорско-Балтийского водного пути. В это время на севере Карелии начались массовые работы сразу на всей будущей

---

[1] Мы опускаем рассуждения автора по поводу того, по какой имено части 58-й статьи мог быть осужден Алымов, так как, согласно данным исследователей, в 1930-х гг. «возвращенцы» из Китая, бывшие работники КВЖД и т.д., именовавшиеся в лагерях «харбинцами», в основном обвинялись в шпионаже в пользу Японии (*Прим. изд.*).

трассе искусственного судоходного пути, и кадры тут требовались самые разные.

Первая часть дневника Алымова представляет собой согнутые пополам листы писчей бумаги (хорошей, не газетной), исписанные неровным почерком и синим карандашом. Скорее, это не дневник, а просто заметки-записи на различные темы, сделанные в вагоне поезда, который вез заключенных на Север. Общее заглавие на обложке из простой бумаги: «В столыпинском». Дневник публикуется в фрагментах.

«Ст. Сегежа. 672 клм от Лен. 787 от Мурм. Перед ней – озеро... День серый, лес чахлый, худой. Скелеты елей. Уже попадают лагеря. Землянки. Люди в серых сук. бушлатах. Волосатые. Есть босые. Вытаскивают бревна из реки, вкатывают на веревках в деревянную горку. Настроение у всех унылое. Вот оно – преддверие УСЛОНа! Покачиваясь, несут важно. За окнами свинцовая тишина. Ясно чувствуется свинцовая тяжесть. И уже бревна не золотятся, а лежат в воде как распухшие утопленники...

9-е, среда. Четвертые сутки. Продрал глаза. Стоим...Красные стенки вагонов. Неужели все еще Званка!! (узловая станция Званка – прежнее название Волховстроя – *прим. К. Г.*) Конвой воюет с чурками. «Раскулачили» одинокого каэра – вытянули 20 рублей. Так и есть. Все еще стоим на Званке. Прибыли вчера в 10 часов утра... 11.25 дня отправился, наконец, простоял 25 часов...

...В вагоне молчание. Даже шпана затихла. Переехали реку – приток Волхова.

– Вот так до самой Кеми ехать лесом будем, – бросает конвойный. – А с Петрозаводска лес и болота. Зверей масса: лось, медведь...

Разговоры. Что делать? Что ждет?

– Времена такие. Выживает сильный, а не размагниченный человечишко. Ведь высылают не для того, чтобы сидеть в башне и следить прибой морской волны, а работать. Нужно помнить самое главное: жизнь течет. В 1932 году будут все другие. Соотношения классов будут другие... Нужно мужество и выдержка. Огромное хозяйство: аппаратные разработки, питомники, мастерские, лесозаготовки. Канал роют».

Шпана кричит Алымову:

«Эх, Маня, надо бы тебе бабский вопрос ликвидировать! Пропадешь. Ты еще здесь, а уже переписку завел...»

Алымов переписывает в дневник последнее письмо жены, переданное с воли перед отправкой: «Целую крепко, твоя вся Маша. Будь бодр – телеграфируй точный адрес. Надейся только на хорошее. Я никогда тебя не оставлю и все сделаю, что ты просил... Крепко целую. Устраивайся, и я к тебе приеду – если тебе нужно и ты этого хочешь. Меня не пугают быть с тобой никакие сроки – только бы с тобой, ибо без тебя нет ничего: ни радости, ни улыбки, ни счастья... Я испытываю невыносимые муки за тебя. Целую, обнимаю всего. Я знаю, что ты чист, благороден и честен. Помни, твой дом всегда у меня, где бы я не была, и всю жизнь – как всегда, я отдам тебе».

Комментарий Алымова сразу за письмом, на удивление точный: «О, мой кислород, моя бегущая Маша! И мои мысли, мое творчество, моя жизнь – твои до конца». Алымов описывал, как долго Маша бежала за вагоном, когда эшелон

тронулся...

Маша, Мария Федоровна Вавельберг (в девичестве Корнилова) вышла замуж за поэта С. Я. Алымова вторым браком 27 июня 1927 года. Ради него она оставила работу в театре и занялась литературный трудом, стала литературным секретарем Алымова. Это очень точно подмечено: кислород. Он нужен был ему более всего. Именно о женах и семьях мучительно думали они тогда, обвиненные напрасно.

Хочу вернуться немного назад, чтобы, тотчас забежав вперед, рассказать о супруге Сергея Алымова, Марии Федоровне Алымовой (Корниловой). Как мне кажется, сделанное этой мужественной женщиной достойно небольшого отступления. В начале 30-х годов она всеми силами поддержала неправедно осужденного мужа, а в начале 70-х по существу сохранила память о нем. Самого С. Я. Алымова уже не было в живых, а она еще с войны была замужем за другим. В 1971 году именно ею переданные в РГАЛИ документы, рабочие записи, фото и дневники составили основу личного фонда Алымова.

Мария Федоровна выполнила обещания, данные мужу в письме перед отправкой в лагерь. В архиве есть сохранившиеся документы о «рабочем свидании» с женой, датированные 31 июля 1930 года, 13 января и 27 октября 1931 года (судя по некоторым данным, свиданий было больше), а также рапорт Алымова начальнику КВО Карело-Мурманского ИТЛ ОГПУ о разрешении жить на вольной квартире.

Есть и жизнеописание самой Марии Федоровны, которое она назвала «Моя краткая автобиография». Из этого текста становится понятной среда, в которой прошло ее детство, круг знакомых и начало взрослой жизни. К сожалению, записи обрываются примерно на 1920 году, на времени работы в театре и первом замужестве. Тайной для нас остается все, что было в душе этой женщины в самую трудную пору, когда арестовали мужа, а также, что пережила, о чем думала она в томительном ожидании вестей от него, и что было потом, через три года, когда он вернулся с Беломорстроя чуть ли не героем.

Автобиографические записи Мария Федоровна начала в 1959 году и завершила в 1970 году. Но преуспела немного. Она использовала общие тетради, листы из которых по мере заполнения извлекала и перепечатывала на машинке набело.

Родилась она в 1897 году в семье мещан Федора Матвеевича и Евгении Ильиничны Корниловых в городке Козлове, где провела детство. Между прочим, юношеским приятелем ее был Константин Александрович Федин, в ту пору студент Коммерческого училища, который снимал у них комнату «со столом», то есть с возможностью питаться в семье. Федина перед этим выгнали из Саратовской гимназии, и отец привез его в Козлов продолжать образование в Коммерческом училище.

Осенью 1915 года Мария успешно сдала экзамены и были принята в студию Художественного театра с освобождением от каких-либо материальных взносов. Весной 1917 года, сразу после выпускных экзаменов, ее пригласили в театр комедии к Е. М. Грановской (летом театр «Аквариум», г. Москва). Потом был октябрьский переворот, гражданская война, и Мария Федоровна уехала в Киев,

где с приходом красных служила в театре Красной Армии. В 1919 году вышла замуж за Михаила Вавельберга и уехала из Киева, чтобы через год, в 1920 году, родить дочь Ирину.

Вернувшись в Москву, она снова поступила в театр, но уже с осени мужа мобилизовали на службу в армию, откуда он не вернулся. Летом 1924 года Мария Федоровна оставила дочь на воспитание родителям в Козлове и уехала в Париж, где пробыла всего год. Парижская жизнь ей явно не понравилась, и она через год вернулась в столицу и снова служила в театре, теперь уже у Корша. Так было до 1927 года, пока не произошла встреча с поэтом Алымовым.

Мария Федоровна задумывала свою автобиографию как попытку литературного осмысления собственной жизни. Однако уже на первой трети пути она, вероятно, поняла, что создать некое автобиографическое произведение, интересное широкому кругу читателей, ей не удастся. В нем много детских воспоминаний, много наивности и восклицаний и мало собственно литературы. Может быть, именно этим вызвано дальнейшее охлаждение к работе, в результате которого мы так никогда и не узнаем о самом интересном в ее жизни с Алымовым и личной судьбе. Застарелая болезнь заурядных писателей, так часто комплексующих, мечущихся, становящихся на цыпочки, чтобы дотянуться до вершин хотя бы взглядом, но при этом не замечающих всей важности жизни, которая бурлит вокруг.

«С тех пор, как умер отец, я разлюбила свой город и свой дом».

В автобиографии Марии Федоровны есть глава «Что доброго я сделала в жизни». В ней она перечисляет свои добрые дела. Не брала у родителей денег на учебу в Москве, зарабатывала сама, работая в суде для малолетних преступников. Работа заключалась в том, чтобы ездить по Москве с опросными листами, собирать данные о детях, вернувшихся из домов заключения («домзаков»). Для юной девушки это оказалось очень нелегко. Семьи, как правило, были неблагополучными, и однажды во время обхода ее чуть было не убили... Будучи замужем, выписала из Козлова младшего брата, устроила его в техникум при Тимирязевской академии, который он, с помощью Марии Федоровны, окончил и уехал работать «в Брянские леса».

Она вспоминает еще несколько добрых дел. Во время работы в театрах помогала младшей сестре Варваре, «которая была одета и обута с ног до головы мною и на мои деньги, ибо отец был уже стар». В первые годы революции, когда страна бесконечно обнищала, и отец жил тем, что продавал с лотка всякую мелочь, снабжала его товаром, в том числе посылала продовольствие. Она много помогала родителям и позже, ведь они воспитывали ее дочь Ирину. Помогала и старшему брату, посылала ему костюмы и пальто...

Более в перечне добрых дел М. Ф. Корниловой-Гус (Алымовой) ничего нет. Но я записал бы сюда еще два, на мой взгляд, очень важных дела. Первое – прощальное письмо мужу, переданное ею на этап. Это письмо стоит не одной пары костюмов, купленных старшему брату. Я приводил его выше. И второе – сохранение и передача в архив материалов о жизни Алымова. Напомню, что к

тому времени Мария Федоровна без малого 30 лет (с 1944 года) была женой другого человека, писателя Михаила Семеновича Гус. А ведь все документы Алымова, до чернового листочка, – сохранила!

Это было потом, а пока на календаре июль 1930 года, и заключенный Алымов продолжает отмечать в дневнике увиденное в вагонном окне:

«…Ждем встречного поезда. Проходит. Пассажирский. На вагонах: "Ленинград – Кемь", "Ленинград – Петрозаводск". Мягкие, жесткие, 4-й класс. Мы едем туда, люди едут оттуда. Возвращаются в столицу. Кемь – Москва, двое суток, 1300 километров. Понесли жезл. Сейчас поедем…

…8 часов, а солнце как в полдень.

– Теперь, ребята, ночи не будет. В Ленинграде арестовали…Часа два посереет и опять светло, – объявил весело конвоир. – Здесь завсегда день…

8 часов утра. Подъехали к большой станции Петрозаводск. Масса путей. Везде – дрова, бревна свежие, потемневшие… Справа Онежское озеро. Издали скалистые, поросшие густым лесом берега. Обилие коз. Бабы в розовых балахонах доят коров…

Во время стоянки на берегу Онежского озера, в ярком солнечном свете карельского дня били вшей, выворачивали рубашки и кальсоны, заполняя этим ожидание пассажирского поезда, который надо пропустить…

Ст. Олимпий – 694 клм от Ленинграда. Лагеря, лагеря, лагеря… Бараки новенькие, еще не закопченные. Одними стенами утверждающие свот будущее. Прибыли для гимнастики на открытом воздухе: кольца, трапеции, лестницы. Арка с кисеёй из хвои… Бор. Петр. с Денисовым поют дуэтом "Не искушай":

И, может быть, не мой
Закат печальный,
Блеснет еще любовь
Улыбкою прощальной…»

В качестве закладки в дневнике Алымов использовал обрывок документа. На нем можно разобрать: «30/V 1930 г. Накладная № 29417. Алымов Сергей Яковлевич (и строчкой ниже) -- Борис Пильняк». Вероятно, этим документом была сопровождена в камеру передача с воли:

«Наименование	Сумма
3 котлеты	1 руб. 05 коп.
3 огурцы	51
1 консервы	52
1 котл.	42
1 варенье	75
400 г. печенье	60
Итого:	3-85»

<…>

Алымов продолжает свои записи. Вот проехали село Сороку (ныне районный центр Республики Карелия город Беломорск – *прим. К. Г.*).

«Остановка. Справа – тундра, каждый метр которой – копия остального немеренного пространства, слева – деревня, сотня досчатых изб, с церковью, тоже деревянной и тоже серой. Избы одинаковы, как пни и камни, разбросанные в этих местах. Едешь, едешь и, кажется, никуда не отъезжаешь, так как все, что впереди, похоже на то, что позади и с боков. Никаких неожиданностей, никаких перемен; симфония монотонности и однообразия».

(Алымов напутал: тундра, а точнее болото, было от него слева, коли он ехал с юга, а справа от эшелона была церковь на берегу реки Выг и село Сорока – *прим. К. Г.*)

«Сгусток жизни! Где-то целуются, творят, гуляют, смотрят картины, слушают музыку, сидят в театрах, танцуют в шелках – а здесь вонь, вши, мат и крикливые жалобы, молчаливый разговор -- на сердце мука. Сырой промозглый воздух, принципиальная монотонность. Урка – ужаснейшая карикатура на человека, ужасная сущность, способная только на гадость – без дома, без ответственности, ленивые, порочные, низкие, тупые, невежественные, вспоминающие мать только в ругани...

Усталость дает знать. Сидел у стены – решетки загипнотизировали мозг. Временами кажется, что ты попал в звериную клетку и тебя считают за обезьяну или еще кого-нибудь в этом роде. Становится странно, особенно когда подходит конвоир, открывает форточку в решетке и подает воду. Он – человек, это ясно. А ты? Мозги перепутаны...

Поезд поет колесами: "В Кемь едем. В Кемь едем"...

Играем в домино. Вдруг крики: "Кемь, Кемь!" Бросились к окошечку. Справа развернулась панорама зданий. Река. Мост. Маленькая вывеска "Кемь". 836 клм от Ленинграда. Дернулись вагоны последней судорогой. Стоим. Окончен путь. Мы в Кеми. 7.00 вечера.

Людей нет. Встретили нас одни козы. Никого. Видно, как кое-где проходят люди. А коз много. Белые, черные, они блеют и внимательно поглядывают на наши вагоны.... Кемские впечатления:

– Хорошо приехать сюда, посмотреть и уехать назад.

– Решеток не будет. Решеток не будет. Одно это – утешение».

На этой фразе первая часть дневника заканчивается. Страницы впереди хоть и пронумерованы: «46», «47», «48», но не заполнены. Вторая часть дневника представляет собой три нетолстые школьные тетрадки с разрозненными листами в клетку и линейку, заполненных различными записями черными и красными чернилами. Записи небрежные. На обложке пометка рукой Алымова: «Секр. хр.» Их общий объем 54 страницы. На обложке первой тетради написано «КЕМЬ». На первых страницах частушки:

Ботинки мои –
Носки лаковые,
Что у девок, что у баб
Одинаковые.

Я любила у канавки
Голубы цветочки рвать.

Я любила чужестранных
Теперь надо забывать.

Из-за Расти дым дымиться
Не машина ли идет
Не мого ли дролечку
С позиции везет.

(Расти – Растьнаволок, мыс в Белом море в 5 км от Сороки, на границе Сорокской губы и открытого моря. Во время строительства ББК и позже, до 1938 (примерно) года – центр рыбной переработки БелБалтКомбинта НКВД СССР – *прим. К. Г.*)

Первые пять страниц дневника представляют собой разрозненные записи о том и о сем. Среди них описание природы, катание на лыжах, смотрение на реку Кемь с порогами, беседы с местными старожилами в «хибарке» и др. Все это доказывает, что в Кеми Алымов жил более-менее свободно и не был занят ни лесоповалом, ни другими общими работами.

«21 февраля: Пробуждение в роте... Тяжела голова. Тело, не отдохнувшее за ночь. Воздух гнилой и, как прошлое, над окном на гвозде картина со шхуной с двумя... парусами. Шхуна на гвозде... (В тексте сноска: "на простенке медленное движение сомлевших от крови клопов. Они круглы, как вставки из кольца рубина. Они движутся еле-еле. Простенок в бурых периметрах – петроглиф каменного века!"). Валенок нет. Они в роте, в узлах. Скорее на воздух! ... Сразу – ветер в лицо, соскабливает ночные...

1 мая. Теплынь. Жарко. Снег почти сошел, а тот, что остался хилый, дряблый, при прикосновении распадается, как трухлявое дерево. На реке – шум. Кипение воды...

Падение метеора

В селе Шуерецком Кемского района на тоню рыбака Максимова упал метеор. По словам М., случилось это так. Звук метеора был слышен, как работа мотора на аэроплане. При полете он рвал ветки у леса, рванул куст можжевельника и упал прямо в воду на мелком месте, зашипел и разорвался. Взрыв был как выстрел.

Часть обломков выбросило на берег, а вторую часть Максимов достал из воды. Обе части хранятся в Шуерецком сельсовете. Вес частей – полтора кило...»

Вторая тетрадка дневника С. Я. Алымова озаглавлена так же, как и первая: «Кемь». И снова картинки природы, эмоции и впечатления. Собственно информации во всех дневниковых записях крайне мало, что делает их малоинтересными. Вот типичное начало:

«Удивительна Кемь вечером! В десять улицы уже совершенно пусты. Во дворах у ворот ни души. Окна домов темны, двери наглухо закрыты. Полное впечатление заброшенности и безлюдья... Мальчишка в нелепой рубашке и шапке, надвинутой на глаза – символ сумрачного приполярного детства...

21/V-31. Всю ночь лил дождь и стенал норд. С потолка текло. Залив посерел от холода. Свист ветра прижимал голову к окну на сквозняке... 22-го совсем другое. Тишина. Голубое небо. Море без складок и морщин...»

Запись от 29 мая также посвящена описанию природы, но завершается так:

«Маша упаковала вещи. Ждет свидания, и я жду. О, негодяи! Какая мука...»

Запись от 8 июня:

«...Какая унылая русская песня! Перебираю в памяти слышанное. Вот любовь, например. Светлое, радостное чувство. А песня?

Ручки, ножки поломаю
Косточки помну...
А сам я, бедный мальчишечка,
За это в Сибирь пойду...

Или:

Пускай могила меня накажет
За то, что я ее люблю.

Почему, могила? Почему наказание? Радоваться, ликовать надо. А вместо солнечных гимнов: "Принимай же меня мать-сыра земля!.." Похоже, что люди вместо колыбели рождаются в гробу и видят солнце в узкую щелку приподнятой гробовой доски...»

Откуда-то в дневнике появляется глава: «Путешествие по Свири на баркасе» («Я полюбил Свирь...»), и в ней опять словесные водопады из описаний природы, ее красот и прочее. Информации о том, почему оказался на реке Свирь, с кем, когда и зачем – нет никакой. То ли было это путешествие в реальности, то ли приснилось оно Алымову, думай, как знаешь. И характерная строчка из дневника: «...а в общем и целом – жить можно».

Судя по записям, Алымов жил в отдельном доме, с такими же интеллигентами, как он сам. Упоминает в записях товарищеские клички: «политрук», «алхимик», «Ив. Ив.», рыжий пес «Барбаросса», который «лежит на коже у двери на фоне зарешеченного окна», их ленивую трепотню про музыку Шуберта, астрономию («имена звездам давали кочевники – бедуины») и поэзию; тут же пространные, на полторы страницы, размышления о прошлом («Любовь к прошлому врождена человеку...»). На этом вторая тетрадь кончается.

Третья тетрадка озаглавлена красным карандашом: «Интермедии. Вставки». Тут же чернильное название: «Эскизы. Наброски. Интонации». Начинается тетрадка текстом:

«На 3-й сессии ЦИК СССР т. Молотов сделал доклад о народнохозяйственном плане на 1931 год...» и далее прочая лабуда, переписанная из газеты: «... и все это свидетельствует о гигантском росте плановых элементов в нашей стране...»

Господи, прости! Человек, оказавшийся в лагере, занимается переписыванием в дневник из газет пяти страниц ерунды, в которую никто из окружающих не верит ни на йоту! Вот она настоящая пытка! А может быть, Алымов как раз и верит? Может быть, именно эта вера и помогла ему неплохо жить в лагере и в

результате выжить?

«20.III/31. Слушал отрывки из “Князя Игоря”. Какая изумительная музыка… Половцы… Путивль… 1185 год… Почти тысяча лет… А страсти – те же; те же чувства… Так же любили. Да еще пожалуй и вернее… Как чудесна ария Ярославны: “Где ты, где ты, прежняя пора…”

И полторы страницы дневника отданы для записи этой арии. А кто ставил в тогдашней Кеми эту оперу? Кто исполнял главные и неглавные роли? Где это происходило и когда? Об этом нет ничего.

24 марта в дневнике снова описание природы, теперь это пурга. Тут же записи-мечты о будущем романе. Варианты названия: «Кто – кого», «Отбросы», «Мелодия». Судя по сохранившемуся плану, остановился на последнем. План таков:

«Часть I – Арест. Тюрьма.

Потрясение. Надежды. Нелепость положения. Каждый день ждем – с вещами домой…

Часть II. Приговор. Этап.

Часть III. Беломорье.

Попов остров. Изолятор. Москва не досягаема. Даже не полюбил жизни – жить мука. 10 лет! 101 мука… Письма.

Часть 4. Кемь. Свидание».

Вероятно, этот план (а точнее, лишь идея писать роман), действительно, навеяны первыми, самыми яркими и даже шоковыми впечатлениями. Алымова легко понять. Арест, следствие, тюрьма и этап даже для него, уже испытавшего все это в юности, сегодня, на самом взлете творческой карьеры, просто невероятны, невозможны, не укладываются в сознании. Отсюда эта странная фраза в плане – «Нелепость положения». Именно так он и расценивал случившееся. И не только он один. Работа Алымова во время строительства Беломорского канала, его известные свобода и популярность наверняка дали иные настроения и мысли. Первоначальный план романа для Алымова, скажем, 1933 года был бы совершенно не актуален.

В Кеми Сергей Яковлевич продолжает записывать в дневник: «Опера «Кн. Игорь». Действие 2-е. Хор половецких девушек…» Тут же следует запись хора. Ария князя Игоря, и снова приведены слова арии: «Ни сна, ни отдыха измученной душе…» Записи разговоров с неким Иваном Ивановичем, приват-доцентом и делопроизводителем. Он любит свечи больше электричества, размышляет: «Электричество мертвит вещи, а свечи, они нежные, ласковые…» «Жить где-нибудь на Печоре. Красивые места. Интересные люди. Лучшее из русского племени. Грандиозные… перспективы. Эстетика. Экономика. Политика…» «Вот сегодня отдал честь горчице. Здорово отдал (о-о!). Вобла хрустит на зубах…»

И все остальные страницы кемского дневника также заполнены переписанными из книг и журналов цитатами о том и о сем. Абсолютно не интересно и ни к чему служить не может. Увы! На том записи заканчиваются.

Судя по всему, Алымов работал где-то при лагерном клубе, обслуживал театр

или был где-то рядом с ними. Никаких упоминаний об охране, нарах, зоне, общих работах у него в дневнике с конца февраля до конца сентября 1931 года не было. Затем из Кеми его путь пролег в Медвежью Гору, в лагерную «столицу», на Беломорстрой. Он «пошел на повышение», переведен в культурно- воспитательный отдел (КВО) Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР.

Супруга Алымова, Мария Федоровна, сохранила его достаточно объемный архив той поры. Сергей Яковлевич много ездил, многих на стройке знал и сам был привечаем. Начальству, вероятно, льстило знакомство с довольно известным в стране литератором, а заключенных привлекал неподдельный интерес писателя к их судьбам. В фонде Алымова множество разнокалиберных листков, исписанных непривычной к перу и не обремененной грамотой рукой. Это автобиографии, характеристики и письма заключенных. Печальные истории удивительно похожи одна на другую. Остался без родителей, начал «скитаца», нечаянно «попал на дело», после чего суд, тюрьма и – на Беломорканал; и только здесь понял, что это такое – настоящий труд, «спасибо всем» и в первую очередь чекистам, которые поверили и дали в руки лопату и тачку… Эти рукописные истории инициировались публикациями, которые регулярно появлялись в лагерной газете «Перековка» и в бесчисленных стенных газетах, после чего их снова и снова пачками присылали в адрес редакции и Алымову лично.

В его архиве сохранились записи-исследования блатного жаргона, наброски поэмы «Беломорстрой», статьи инженеров Плавинского, Творогова, Садикова и других, приказы начальства, инструкция управления СЛОН по зачету рабочих дней и статистические сведения о выработке ударных бригад на ББК. Здесь же записи морских примет и выражений, десятки фотографий строительства канала и много другого, относящегося к той горячей поре.

Стихотворения и заметки Алымова о строительстве ББК также свидетельствуют о его напряженной работе в то время. Как правило, это разрозненные и разнокалиберные листы, карандаш, чернила, много пометок. С их помощью можно определить метод, который он использовал в работе. Алымов получал некую информацию о положении дел на том или ином участке строительства («на Северном участке работа облегчается только глубоким обходом – местами на расстояние до 2-х клм в сторону от линии…»), думал над ней, рифмовал, черкал, снова рифмовал (в бумагах масса перечеркнутых, отвергнутых образов и рифм). Только после этого появлялся черновик стиха.

Кроме стихотворений, узко направленных, выполняющих конкретную, производственно-мобилизующую функцию, Сергей Яковлевич пытался писать и лирику. Но подобный «творческий» метод в его исполнении и в тех условиях выглядит ужасно. Для его определения я не могу подобрать другого слова нежели как изнасилование. И ничто поэта Алымова перед литературой не извиняет, кроме того очевидного факта, что был он хоть и в кожаном пальто, но в концлагере и был заключенным с 10-летним сроком.

В нашей стоянке,
На мерзлом

И мертвом граните,
Каждую ночь
Тебя вижу
Родная
Во сне,
Брежу тобой…
Сосед меня будит:
– Проснитесь!
Я просыпаюсь…
Хохочущий ветер
Да снег…

***

К югу идет
Застекленное льдинами
Море,
Сзади – где Север –
На полюс
Дорога видна…
Скрипнули зубы…
И скрежетом торосов
Вторит
Белого моря
Приятельская седина.

***

Озера и реки,
Камни да пни,
Для человека
Трудные дни…

Алымов быстро освоился на Беломорстрое. Уже 14 ноября 1932 года он подал начальнику Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря Л. И. Когану рапорт с предложением создать литературно-художественный сборник о Беломорстрое. Авторов на строительстве было достаточно, типография в лагере своя, причем мощная, способная выпускать любую продукцию. Коган согласился, и предмет всеобщей гордости – сборник «Моря соединим! Стихи и песни на Беломорстрое» (издание культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Медвежья Гора, 1932) появился в том же году. Об этом событии, как о «новом шаге» в воспитательной политике карательных органов СССР, громко трубили не только лагерные издания.

Песня, звени,
Улыбайся, рей,
Гордою силой полна.
Годовщину

Пятнадцати
Октябрей
Празднует
Наша страна...

***

...страна расцветает,
Один за другим
Гиганты
Вступают
В строй.
Присоединяется
Радостно
К ним
Новый гигант
БЕЛМОРСТРОЙ!

***

Плечо к плечу и к локтю локоть
В единой трудовой толпе
Чтоб выполнить нам раньше срока
Строительство ББВП.

В 1933 году творчество Сергея Алымова получило новое признание. Он, заключенный, вошел в число известных литераторов страны, которым было поручено участвовать в создании книги-монографии об истории строительства Беломорско-Балтийского водного пути. Как известно, поручение ОГПУ СССР о создании такой монографии дал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Союза ССР в постановлении от 4 августа 1933 года.

Однако, судя по всему, ЦИК имел ввиду совсем иную работу. Для того, чтобы спроектировать и построить ББК, исследователи, проектировщики, инженеры, топографы, гидрологи, геологи и представители десятков иных научных дисциплин и отраслей проделали воистину гигантский труд. Строительство гидроузлов на трассе канала потребовало абсолютно новых для мировой гидротехнической практики конструктивных решений. Именно об этом и должна была поведать миру монография. Так правительственное поручение и было первоначально воспринято на Беломорстрое. В Медвежьей Горе из ведущих специалистов создали редакцию монографии (в частности, в нее вошел профессор А. Ф. Лосев), руководство издало приказ, которым были определены темы будущих статей, сроки написания и даже гонорарные ставки. Многие из специалистов статьи для монографии написали, они хранятся в фондах ББК в Национальном архиве Карелии, есть они и в личном фонде Алымова в РГАЛИ (статьи инженеров Плавинского, Творогова, Садикова).

Но в ОГПУ задачу поняли по-своему, и из монографии, призванной на примере строительства Беломорско-Балтийского канала свидетельствовать миру о

прорыве СССР в научно-технической области, появился ведомственный «рекламный ролик».

Слов нет: «ролик» выполнен талантливо, если не сказать – блестяще. 120 лучших писателей СССР получили приглашение ОГПУ для участия в книге. 22-23 августа 1933 года их с шиком доставили в Медвежью Гору, а затем на трассу канала, чтобы лично видеть, расспрашивать и общаться. Как это было обставлено чекистами, написано уже много. Только стоит ли нам, сегодняшним, смеяться над писателями 30-х, если подобная практика продолжается и поныне. И немногое изменилось с тех пор. Разве только то, что не все из тогдашних «почетных гостей ББК» дожили даже до 1940 года, а нам, в отличие от них, пока ничего не угрожает.

Небольшими группами и по одному писатели приезжали на канал и позже. Для них собирали инженеров, устраивали поездки на трассу, проводили совещания, на которых они могли задавать вопросы. Совещания, как правило, стенографировались. Из написанного были отобраны произведения только 36 писателей, которые они же сами свели в единое (сквозное) повествование. Один из редакторов и вдохновителей книги, А. М. Горький даже увидел в этом факте историческое, поворотное событие в развитии советской литературы: «Работа эта указывает путь, идя которым, наша юная литература быстро уничтожит все еще не уничтоженные, скрыто существующие групповые трения», – писал он в послесловии. И оказался неправ.

Сергей Яковлевич Алымов не только вошел в число 120 призванных, но попал и в 36 избранных (а вот М. М. Пришвин не попал, чему был чрезвычайно рад всю жизнь). Алымов назван среди авторов сразу трех глав книги из пятнадцати. И не трудно представить, каким это тогда было успехом для него, – увидеть свое имя рядом с именами М. Горького, Вс. Иванова, Веры Инбер, В. Катаева, В. Шкловского, Л. Никулина, М. Зощенко, Д. Мирского и других именитых писателей.

Но все переменилось уже через три года. В 1937 году главный «герой» книги нарком Г. Г. Ягода был объявлен врагом народа и расстрелян. Книга-монография «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1031-1934 гг.» изъята из обращения и уничтожена. Из трех редакторов остался только М. Горький: чекиста и замначальника Беломорстроя С. Фирина, как и писателя и родственника Г. Г. Ягоды (мужа его сестры) Л. Авербаха также расстреляли.

Но это случилось в 1937, а сразу по окончании строительства канала, в 1933 и последующих годах, изо всех сил раскрученный пропагандистский маховик ОГПУ крутился, крутился и никак не мог остановиться. В 1934 году Сергея Алымова привлекли к созданию песен к звуковой художественной кинокартине «Заключенные». Кино снимали прямо на ББК. Лента должна была продемонстрировать стране, как дружно, споро и весело трудятся на великих стройках бывшие воры, бандиты, проститутки и вредители, как по-отечески занимаются их перековкой мудрые чекисты. И что ГУЛАГ – это вовсе не то, о чем втихаря рассказывают редкие, по чьему-то недогляду вернувшиеся из лагерей очевидцы.

По задумке создателей, кинолента должна была буквально искриться твор-

ческой, рабочей энергией, быть наполненной музыкой и песнями. Так оно и получилось. «Заключенные» прошли по стране с большим успехом. Алымов написал для фильма семь песен: «Духовая», «Игровая», «Песня победы», «Песня Соньки»[1], «Песня урок», «Победная песня» и «Сплавная».

Игровая

...Забутано, заметано,
Майданщик – Ибрагим,
Тасуй колоду! Вот она!
– «работать не могим»!

Песня победы

...На далеком севере,
Под полярным кругом
На снегах немереных
Я нашел подругу

Ты была воровкою,
Я гулял бандитом, –
Мы не этим, милая,
Нынче знамениты

Мы водой утроили
Реки и озера,
Душу перестроили,
Развязались с горем.

Обнимай – не спрашивай,
Сладкая зазноба!
По каналу нашему
Проплываем оба...

Песня урок

...Оставьте пустые разговоры –
Воров не приучите к труду.
В нашем тресте
Все на месте!
Надоело слушать ерунду...

Воровка не сделается прачкой
Шпана не подкачает – дырка в грудь!
Грязной тачкой
Рук не пачкай!
Это дело перекурим как-нибудь...

---

[1] Это – знаменитая «кокаинетка» «Перебиты, поломаны крылья…» (*Прим. изд.*).

Победная песня

Мы крепости взяли. Преграды смели,
Хоть схватка не легкой была.
Чекистам упорным и стойким – хвала!
Они нас к победам вели.

Победная песня,
Как сокол,
Взмывай.
Над водной дорогой,
Меж скал.
Плыви, пароход,
И волну подымай,
Сверкай,
Беломорский канал!

В Национальном архиве Республики Карелия мне довелось прочитать любопытный документ. Вот его содержание:

«Приказ
По Беломорско-Балтийскому Комбинату НКВД

Ст. Медвежья Гора 23 января 1935 г.

Содержание: о поощрении работников, участвовавших в съемках художественно-звуковой картины «Заключенные».

Работники ББК при съемках звуковой картины «Заключенные» проявили четкость в работе и честное отношение, чем содействовали успешному окончанию работ в короткий срок. Отмечая подлинно ударную работу з/к, по ходатайству начальника киноэкспедиции «Востокфильма» ПРИКАЗЫВАЮ…»

И далее заместитель начальника Беломорско-Балтийского комбината и он же начальник управления Беломорско-Балтийского лагеря НКВД Успенский приказывает выдать денежные премии в сумме от 15 до 75 рублей 21 заключенному и еще 11 заключенным объявить благодарности.

Премировал ли «гражданин начальник» главных героев фильма, или же поощрил только массовку, сказать не могу: в те годы я еще в кино не ходил, и кто там играл, не знаю. Но вот что любопытно. Даже здесь, казалось бы, в такой малости, чекисты оказались верны себе. Деньги на премирование отличившихся в съемках шли вовсе не из кассы ББКомбината. В приказе Успенского есть пометка на этот счет: премирование осуществить… «из средств, отпущенных Государственным Трестом по производству художественных фильм национальных республик “Востокфильм”»… И тут, что называется, прокатились за чужой счет.

Чем была наполнена каждодневная жизнь поэта Алымова после строительства Беломорско-Балтийского канала, я достоверно не знаю. Он совершил несколько поездок в Тулу, завел знакомства с тульскими оружейниками, занимался историей города. В это же время он приступил к работе над поэмой «Оружей-

ники», мучительно писал, делая большие перерывы, до лета 1941 года.

В те же годы он много ездил, выступал, думал о себе и о будущей работе. В его фонде хранятся четыре блокнота, относящиеся к 1934-1935 годам. В них черновые наброски к будущим статьям, рассказам и выступлениям. На обложке первого написано: «Писатель». Блокнот открывается датой 30.VII.35 г. и записью: «Писатель. Вечное недовольство и работа. Нельзя успокоиться на достигнутом и уже написанное кажется отвратительным…». Два других блокнота имеют названия «Литература 1» и «Литература 2», а четвертый озаглавлен «Stella polaries». Как можно понять из записей в нем, Алымов намеревался писать романтическую пьесу о покорении Ледовитого океана. Но что-то у него с романтикой не получилось.

Хотя, как мне кажется, я даже знаю, почему. Жизнь Сергея Яковлевича Алымова, равно как и сотен таких, как он, была наполнена в предвоенные годы безотчетным страхом. Исподволь начавшись, уверенно шли по стране массовые расстрелы. Причем расстреливали вчерашних кумиров, начальников с таким звездами на погонах, что куда там бывшему сотруднику лагерного КВО! Грозные руководители строительства ББК (Ягода, Фирин и другие) расстреляны, книга про них и славную сталинскую стройку запрещена, редакторы и часть писателей в лагерях или уже расстреляны… Точно такая же книга про канал Москва-Волга даже не дошла до типографии, подготовленная к печати, она сдана в архив. В Дмитрове, вместе с начальником Дмитрлага С. Фириным, расстреляно 219 его ближайших помощников, в том числе «бойцов пропагандистского фронта» – художников, литераторов и иных куплетистов.

Алымов постоянно чувствовал, что власти не забывают и о нем. Например, в 1939 году абсолютно неожиданно он был… награжден орденом «Знак Почета».

И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы не Великая Отечественная война. Да только вот ее начало породило новый страх: на фронт его не берут! Да, немолод, да нет военного образования. Но и прежняя судимость тоже кое-что значит. Кто ж забыл?!

Прошло первое военное лето, прошла осень, и с сильнейшими боями зима уже подкатилась к Москве. Между тем Алымов еще не призван, еще дома слушает тревожные сводки Совинформбюро. Первого декабря 1941 года, совершенно истомившийся, он решается на отчаянный шаг – пишет письмо (и прикладывает к нему заявление) самому маршалу Ворошилову. Сергей Яковлевич просит его лично ходатайствовать об отправлении на фронт.

«Легендарный маршал» К. Е. Ворошилов вспомнил автора легендарной песни «По долинам и по взгорьям» и отозвался немедленно. Уже в январе 1942 года Алымова зачислили в кадры Главного политического управления Военно-Морского Флота. В феврале (по август 1942 года) с командировочным предписанием Главпура ВМФ он отправился на Черноморский флот: Севастополь – Балаклава – Черноморское побережье, где в ту пору шли ожесточенные бои[1].

Алымов принимал участие в обороне Севастополя, за что награжден орде-

---

[1] По свидетельству М. Е. Катукова (см. ниже), уже в конце 1941 г. Алымов выезжал на фронт под Волоколамск в составе агитбригады (*Прим. изд.*).

ном «Красная Звезда» и медалью «За оборону Севастополя» и, как сказано в его характеристике Союза писателей СССР, «выезжал в командировки на разные фронты, выполняя задания командования. Награжден наркомом обороны именными часами».

Но Сергей Яковлевич не был бы писателем, если бы не вел дневник. Ведь он и на фронте призван был горячей поэтической строкой отзываться на злобу дня, воспитывать и мобилизовать людей на подвиг. Что он и делал при помощи памятных книжек той поры, любовно сохраненных его супругой Марией Федоровной Алымовой (Корниловой), ожидающей его в Москве, в Столешниковом переулке. Спасибо ей за это!

Вот он, фронтовой дневник писателя Алымова: четыре блокнота, испещренных записями карандашом и чернилами. 289 страниц, заполненных в период с 2 февраля по 19 июля 1942 года.. Приводим его в фрагментах, выбирая из торопливых записей наиболее характерное и яркое. Записи делались, скорее всего, с одной целью – сохранить в памяти обстановку, сберечь тот или иной факт, или даже настроение для будущей работы. Порой в них нет даже дат, а только время суток. Зачастую он писал на бегу, в поезде или машине, вкривь и вкось.

«Тихоецкая. Утро. Черная грязь оттаивающей земли. Уже больше весны, чем зимы... Из Армавира в 23. 30 ночи. Грузимся на поезд Армавир – Туапсе. Поезд на редкость убран и чист. Необычный service. Утром за окнами другой, сказочный мир. Вершины гор без снега...

...Нина Анилова, пулеметчица. Дралась под Одессой в пехоте, стрижена (была ранена, на голове шрам).

Рассказ офицера:

«К 31-му мы были прижаты крепко, уже почти к самой воде. Места за Волгой не осталось (подчеркнуто). А немец жмет. Ну, подумал я, надо его ударить так, чтобы ум за разум зашел. Они обыкновенно бомбить начинали с 8-ми утра. Я мобилизовал к 7-ми все боевые огне(вые) средства, – все, что могло стрелять было приготовлено. И мы начали бой. Я стоял вот здесь, на крыше блиндажа. ...Мы дали по Мекензиевым горам 6000 выстрелов за 15 минут по площади 1 ½ клм. Люди наши, сидевшие в окопах поблизости, оглохли на неделю... У немцев творилось что-то неописуемое – они не могли сообразить, что это такое. Огненный смерч налетел и отбросил их километра на четыре назад – бежали, как сумасшедшие...»

-е. Поездку к Потапову отложили. Надо сделать что-то для газет к 23-му...

Случай с коком, который нес на позицию термос с горячим борщом. Напоролся на немцев – офицер и с ним двое. «Хенде хох!» Кок поднял руки с термосом и молниеносно вылил борщ на голову немецкого офицера. Тот заорал ошпаренный, солдаты-фашисты бросились к воющему начальству, а кок тем временем удрал. Случай этот произошел на батарее в 7-й бригаде у Гарпищенко.

...1 марта. Проснулся часов в пять. Приступ кашля. Через полчаса началась канонада. Вместе с голосом пушек запели петухи. Запели отчетливо, спокойно, как в мирное время. Артмузыка многозвучна и разнообразна. То «уф-уф», то раздраженный рев

быка, то трамбование или бой парового молота, то вытряхивание гигантских ковров. Пение пушек чередуется с пением петухов. Можно даже сказать, что петухи перепевают. Пушки смолкают. А петухи продолжают свои рулады.

Вчера выступили по радио – вместе с ансамблем... Аф. Петр. Рассказывает за завтраком о Севастополе.

5 часов. Обедаем в блиндаже. Сегодня борщ, котлеты. Немец бьет тяжелыми 12 или 14 дюйм. Потолок в блиндаже дрожит...

...Немецкий пулемет просит: – дай – дай – дай! А наш: – на – на – на! И, действительно, по звуку бьет похоже.

Остров Первомайский. Батарея 22. Рука с часами. После пикировщиков и отсылки раненных нашли руку с часами (в щели). Часы тикали.
– Чья рука?
Узнали по часам. Похоронили руку, а часы отправили в госпиталь хозяину...

8 марта. Был вызван секретарем обкома Федором Дмитриевичем Меньшиковым. Была тревога. Просидели в скале. Вечером поехали на Максимову дачу на праздник женщин 172 див. Был Петров. Сказал чудесную речь о женщинах Севастопольской обороны. Я прочел «С тобой, Севастополь». Илья Еременко подошел ко мне и сказал:
– Пьешь здорово, но и пишешь тоже здорово...!
Какие чудесные девушки-героини!»

Между страницами фронтового блокнота С. Я. Алымова сохранились мелкие засушенные весенние цветы. Сохранились отлично. Лежат с 8 марта 1942 года.

Сплошь руины,
В дырах стены,
Но светла морская даль,
И цветет морскою пеной
Бело-розовый миндаль
(С. Алымов)

Море побед -- колыбель смельчаков,
Славное Черное море.
Здесь Севастополь — любовь моряков
Высится в синем просторе
(С. Алымов, К. Платонов)

«18 марта – 22 марта. Фрицы “расшалились”. С утра налетают на город. Сбрасывают “гостинцы”, но сами себя назад не доносят. Наши зенитчики работают на славу. За 20-е сбили шесть немецких самолетов. Сегодня один сбит “чайкой” над вокзалом. Рухнул – только дым пошел. Киношники снимали. “Здорово, — сказал Микоша, – груда горящего мяса. Нашли 3 креста”. Очевидно, какой-то “ас” нашел конец между Малаховым и Историческим. Обломки “ю-88”, покореженные и обгорелые, привезли и свалили на площади 3 Интернационала. На фанерке свежей краской написали: «Обломки фашистского стервятника, сбит 22/III/42”. Всё!

24 марта.... У всех повышенный интерес к анекдотам. Все с удовольствием “травят” в промежутках между боями, бомбежками и прочими военными делами. И все стали пить. Даже те, которые до войны не пили, презирали водку и осуждали пьющих. Сейчас только и разговору: “Где бы достать горючего...”

13 июня. Туапсе. Виделся с Байденко. Заехал на машине по дороге в Новороссийск:
— Города нет. 500 самолетов бомбят без передышки. По 6 самолетов...

В Сочи в госпитале челюстник раненый, странная маска на молоденьком кудрявом краснофлотце. У него пол-лица снесено с носом и губами. Шутит, спрашивает сестру: “Как же я теперь целоваться буду, безгубый, а?”

Сегодня после обеда долго и интересно беседовали с Кореповым. Говорим о послевоенных проблемах. Стимулируют деторождение – ведь уничтожили не только лучших производителей, но и производственный материал – детей. Людские ресурсы надо быстро восполнять. Очевидно, нужно ждать изменений.
— Надо делать детей!
Значит, возможна отмена алиментов, которые будут заменены государственными пособиями... Законы об абортах будут еще строже. Переизбыток девушек и женщин, наличие вдов вызовут охоту на мужчин... Мужики – дефицитный товар. Раньше мужчина ухаживал за женщинами, теперь роли поменяются: бабы будут ухаживать за мужиками...»

19 июля 1942 года Алымов отозван в Москву. Он вылетел на самолете из ст. Белореченской, 8 часов и 44 минуты был в воздухе и 5.40 прилетел в Москву. Конец лета, осень и зиму Сергей Яковлевич просидел в Москве. Вероятно, просто так, без дела ему все-таки сидеть не давали, но и серьезного занятия никак не находилось. Вероятно, выезжал в составе писательских бригад на заводы и в воинские части. Вероятно, околачивался в Главпуре, читал стихи и ходил по редакциям. Фронтовых командировок не было. И записи в дневнике той поры у Алымова совсем редкие. Что и понятно: на душе было сумрачно.

«Декабрь, 5-й, 1942 год, Москва. Балтика требует меня. Хотят песен. Настойчиво начальство желает сбагрить меня. Севастопольское начало работ, значит, в сторону. Начнется новая эпопея. Собираю на всякий случай материалы по тем местам, в которых довелось бывать....

14 декабря. Оттепель. Саша рассказывает: “6 дней из Ленинграда; из Копорье ехали в Н. Ладогу – 3 дня. Шторм. Ничего не ели. Капитан заблудился. Мертвецов выбрасывали за борт. Из 60-ти осталось шесть — отбор сильнейших. Я боялся мертвых, а тут спокойно ходили по трупам. Ленинград очень разбомблен. Из 5-ти мостов раз да два...»
19 апреля. ...В Москве тишь да гладь – прямо сон. Никакой войны не чувствуется. Котлет нет, но бл...ей в чернобурках полно. И всё те же в большинстве случаев похудевшие лица... То война дает себя знать по-другому – не бомбежкой, так картошкой...»

И крупная запись, как кредо:

«Надо непременно каждый день писать не столько для успеха работы, сколько для

того, чтобы не выходить из колеи...»

В конце апреля Алымов получил-таки от Главпура ВМФ долгожданное назначение, теперь на Северный флот. Через Вологду он добирается до Мурманска по Обозерской ветке – железнодорожному пути, построенному среди болотных хлябей уже с началом Великой Отечественной войны. Кировская железная дорога Ленинград – Мурманск была к тому времени перерезана финнами и немцами. Теперь дорожные записи он ведет на листах в линейку обычной школьной тетради; листов много, обложек нет, записи, по-прежнему, карандашом вкривь и вкось – на бегу. Но есть и вполне аккуратные, когда выпадало время и место.

Первая запись датирована 23 апреля 1943 года. В дневнике отмечены все железнодорожные станции от некой Александровки до самого Мурманска. С указанием времени суток и дней пути. Так, в Вологде (на р. Сухоне) он оказался на 2-й день пути, в Сорокской (г. Беломорск) на 3-й день (в 4 часа 30 мин.), а в хорошо ему известной Кеми в 7 вечера того же дня. До Мурманска Алымов добрался на 4-й день пути 27-го апреля.

В дневнике Алымов отмечает места, по которым едет Обозерской веткой. Проезжает, скажем, станцию Вирма, что под Беломорском, бывшей Сорокой:

«... от Вирмы дорога идет коридором, прорубленным в монолитном граните, -- серо-розовом, так знакомом по Белморстрою. Вообще эти места и природа вызывает целый поток полузабытых воспоминаний – годы 30-32-й вновь ожили во всей свежести... Сорока – Беломорск, где на шлюзе состоялась историческая встреча североморцев с т. Сталиным, Кировым, Ворошиловым. Слева голубая лента канала и шлюз. Справа синева Белого моря. Здравствуй, Б. Б. канал, здравствуй, Белое море! Над каналом, на насыпи — блиндаж-дот из сосенок, с амбразурой в сторону шлюза. Остался разъезд – 7 км. до Сорок. Трогаемся, переезжаем ББВП! Как много в слове этом для сердца беломорского слилось!

...Стоим. Полночь, в 5.30 трогаемся. Темнеет. Беломорский персиковый закат над темной землей (сколько их было видено мной в Карелии!!!)».

Странные для вчерашнего заключенного ГУЛАГа и ностальгически-радостные чувства, не правда ли?

Судя по записям, у Алымова была еще одна командировка на Северный флот. 24 октября 1943 года он вылетел из Москвы с задачей добраться на север в Мурманск через Вологду. Во второй командировке Алымов жил в Полярном. Последняя запись его северного дневника датирована 11 декабря 1943 года:

«Шторм не утих. Сегодня кругом свист, вой, гам – вальпургиева ночь продолжается.... Дом дрожит, волна грохочет – ветер хочет его сорвать и унести. Надо ждать. Что натворит шторм...»

Не знаю, заметил ли читатель, но ни разу Алымов не упоминает в военных записях о своей жене, Марии Федоровне. Читаешь эти пестрые записи страницу за страницей и тут и там встречаешь воспоминания собеседников о своих же-

нах и подругах. Алымов, словно бы, обо всем позабыл. Что между ними случилось? Кто виноват? Новая фронтовая любовь? Так и о ней нет ни малейших упоминаний. Может пьянство, о котором вскользь упоминал Сергей Яковлевич? Или самой Марии Федоровне невыносимо стало бесконечное одиночество при живом муже – то лагерь, то командировки, то война?

Так или иначе, еще до окончания войны, в 1944 году, она ушла от него к другому писателю, Михаилу Семеновичу Гус. Ушла в буквальном смысле слова, перебравшись со Столешникова переулка, где жила с Алымовым, на улицу Черняховского, к Гусу. И стала Корниловой-Гус.

Тотчас после окончания Великой Отечественной войны приказом наркома ВМФ (№ 01087 от 7 июня 1945 года) Сергей Яковлевич Алымов уволен в запас в звании майора (капитана третьего ранга?). Для него наступила пора осмысления накопленного. В 1946 году Воениздат выпустил поэтический сборник «Этих дней не смолкнет слава», в котором много его произведений. Он написал поэму «Дядя Костя» (Заслонов), передававшуюся в отрывках по радио и частично напечатанную, несколько новых песен и стихов, а также «Победную кантату» (муз. Новикова). В конце декабря 1947 года сдал издательству «Московский рабочий» новый сборник стихов и песен, в том числе написанных к 30-летию Советской Армии. К этому же времени относится создание кантаты «Знамя Победы» для Краснознаменного ансамбля песни и пляски.

Большие планы вынашивал Сергей Яковлевич и на 1948 год. Он всерьез решил закончить и сдать, наконец, в печать окончательные редакции «Оружейников», которые начал до войны, и «Дядю Костю» (Заслонова). Он мечтал собрать в книгу прозы все написанное им в Севастополе. Но, увы... Сбыться планам не удалось. 29 апреля 1948 года писатель Алымов умер в одной из московских больниц. По некоторым данным, в больничную палату он попал в результате дорожно-транспортного происшествия.

Сергея Яковлевича похоронили красиво, на Новодевичьем кладбище. 15 августа 1948 года распоряжением Совета Министров СССР, подписанным И. Сталиным, память писателя Сергея Алымова была увековечена так, как это было принято в отношении бесспорных классиков советской литературы, великих. Правительство распорядилось о сооружении памятника и установке памятной доски, об издании «Избранного»; семье установили персональную пенсию, а его именем назвали пароход[1].

Так неожиданно и резко оборвалась жизнь одного из писателей, звонко воспевших вождя и не только одну великую стройку, но и всю его политику. Так щедро вождь воздал своему певцу.

Было ли творчество писателя Сергея Алымова периода Беломорстроя по-настоящему искренним и честным? Всерьез ли он считал, что подобное отношение власти к своему народу единственно возможно? Или же творчество для не-

---

[1] Пароход «Сергей Алымов», дата постройки 1955, в первую навигацию вышел в 1956 году, владелец судна Бельское речное пароходство (Уфа). После списания стоял в качестве дома отдыха «Кристалл» в городе Саратов и пользовался известной популярностью. В середине 1980-х годов над пароходом был надстроен третий ярус (*Прим. авт.*).

го было способом приспособиться и выжить в условиях концлагеря? Ошибался ли он в своем выборе? Жалел ли о прожитом? Кто теперь ответит на эти вопросы? Жизнь одна, и каждый из нас, как бы искренне того не желал, во второй раз ее не проживет.

Гнетнев К. Беломорканал: Времена и судьбы. Петрозаводск, 2008 (материал опубликован на интернет-сайте ruummuseum.ru).

В селе Ивановское впервые по-фронтовому встречали Новый, 1942 год. Вместе с танкистами 1-го батальона собрались в одном из классов зооветеринарного техникума. В окнах — ни стеклышка. Они наглухо забиты фанерой. Печурку накалили докрасна, накрыли праздничный стол. Сервировка — кружки жестяные, солдатский походный нож. На столе — хлеб, соль, чеснок, кусок сала, фляги с водкой. Сто пайковых граммов на человека.

Приехали к нам в новогоднюю ночь гости — поэт Сергей Алымов и исполнительница народных песен Клавдия Ивановна Иванова.

Первое слово за новогодним столом о тех, кого теперь нет с нами, кто отдал свою жизнь в борьбе с проклятыми фашистами.

<…>

А потом предоставили слово нашим гостям. Сергей Алымов читал свои стихи. Многие из них, переложенные на песни, мы знали, но взволнованное чтение поэта придало нашему новогоднему вечеру ту «домашность», с которой мы, танкисты, распростились не на одну зиму, не на одно лето.

Сергея Алымова сменила артистка Иванова. В полутемном классе зазвенела старинная русская песня «Вот мчится тройка удалая». И нас, слушавших, унесло далеко к берегам великой русской реки.

Чуть ли не до рассвета затянулся наш новогодний вечер. Тепло мы простились с первой концертной маленькой бригадой, посетившей гвардейское танковое соединение на фронте. Позднее артистические бригады у нас в войсках бывали нередко, но приезд первой сразу после горячего боя за Тимково запомнился навсегда. В знак дружбы и будущих встреч подарил я тогда Сергею Алымову трофейный пистолет.

Катуков М. На острие главного удара. М., 1974.

Левинсон закурил и протянул пачку «Беломора» Сергею Алымову. Было так хорошо сидеть и молчать, казалось, ни о чем не думая…

– Ребятки, мне завтра полсотни стукнет! – глядя куда-то вдаль, грустно сказал Сергей. – Даже самому не верится, вроде не старик, а полста! Похоже?

– Тебе и сорока не дашь, а стариков всех давно из Севастополя эвакуирова-

ли. Давайте лучше сегодня вечером отметим эти пятьдесят!

Алымов посмотрел на нас грустными глазами.

– Вам хорошо это говорить! Вы еще пацаны, только-только начали порох нюхать, а я уже срок отсидел. Ни за что ни про что! Колыму за колючей проволокой осваивал... И кое-что в жизни понял. Узнал, где раки зимуют... – Он оглянулся на руины и, глубоко вздохнув, сказал: «Жизнь-то – копейка! Ни шиша не стоит, захочешь уберечься, а все равно прихлопнет, как муху. Не тут, так там! Так-то вот, братцы!«

Его слова заглушил разорвавшийся тяжелый снаряд посередине бухты — один, потом еще три. Осколки вспахали и изломали отражение Константиновского равелина.

Алымов поднялся. Высокий, сутулый, тяжело ступая по битому, хрустящему, как снег, ракушечнику, пошел в гору.

– Сергей! Не забудь, сегодня вечером, как стемнеет, приходи к нам в гостиницу, – крикнул я. – Кого пригласить?

Сергей оглянулся.

– Всех, кто захочет! Севастополь плохих не держит! А музыка будет? – крикнул он и скрылся за обгорелой руиной.

– Он прав, музыка должна быть, – сказал Левинсон.

Тяжелое пианино мы с большим трудом перетянули из номера люкс со второго этажа гостиницы «Северная» на третий этаж в мой номер. Угощение было на славу. Шампанское и мандариновый спирт в неограниченном количестве. (Штольня с шампанским вскоре заменила воду.) В ограниченном – тушенка, жесткие, как железо, галеты и самое деликатное блюдо — жареная султанка, которую Борис Шейнин раздобыл у подводников. Они выловили ее при взрыве бомбы в Южной бухте.

Никто из приглашенных не заставил себя ждать. Один за другим пришли писатель Леонид Соболев, журналист Лев Иш, поэт Яков Сажин и гурьбой композиторы — Борис Мокроусов, Юрий Слонов, Василий Макаров. Только юбиляр, поэт Сергей Алымов, запаздывал. Наконец под бравурный марш, который сыграл Юра Слонов, появился виновник торжества. Одновременно с маршем на стене заговорил динамик: «Воздушная тревога, воздушная тревога»! Весь этот экспромт произошел, будто заранее подготовленный.

Залп пробок ударил в потолок, заклацали граненые стаканы, и первый тост, как на корабле – «За тех, кто в море» – торжественно произнес автор «Капитального ремонта» капитан 1-го ранга Леонид Соболев. Второй тост был, конечно, за юбиляра.

– Сергей! Такое никогда больше не повторится! Тебе отсалютовал сигнал Севастопольского морзавода — «Воздушная тревога»!..

Забряцали граненые стаканы, и полился вместе с шампанским поток сердечных поздравлений дорогому другу Сергею Алымову.

Ради такого исключительного случая был поднят тост при погашенном свете с зажженным в стаканах мандариновым спиртом. Все подняли наполненные голубым огнем стаканы. За шторами с небольшими промежутками рвались где-то – то далеко, то близко – бомбы. Голубой огонек таинственным светом

вырывал из темноты лицо каждого.

Время летело быстро. Несколько раз врывалась тревога, потом отбой. Падали близкие и далекие бомбы, дрожали стены, гас свет. На смену ему загорался синим огнем мандариновый спирт. При загадочном сиянии послышались тяжелые аккорды. Борис Мокроусов играл Лунную сонату. Все замолчали. Перемежались отдаленные вздохи падающих бомб и трагические аккорды Бетховена. Каждый из нас вернулся в свой мир, далекий от войны, от Севастополя. Неожиданно зажегся свет. На стене как-то четко высветился в массивной раме портрет Сталина. Его взгляд, устремленный на нас, мне показался каким-то странным — живым. Таким я видел его на киносъемке в Москве... Вдруг стремительно вскочил из-за стола Сергей Алымов. Зазвенели и посыпались на пол бутылки шампанского, стаканы. Он выхватил из кобуры наган и, не целясь, один за другим всадил все семь зарядов в портрет Сталина. От него на стене, кроме рамы, ничего не осталось.

Наступила тяжелая тишина, даже за окнами. Никто не мог вымолвить ни слова. Громко рявкнула воздушная тревога, и снова погас свет. Мои гости один за другим стали уходить. Последним молча ушел Сергей Алымов.

Я остался один на один с расстрелянным Сталиным... Странно, я был совершенно трезв, будто и не пил ни капли. Что делать? Как жить дальше?..

Я открыл окно и впустил в комнату рассвет...

Вошел Левинсон.

– Владик! Немедленно едем на передовую! Там придем в себя!

Он снял пустую раму. Стена была глубоко ранена пулями.

К вечеру мы вернулись с передовой. При встрече со всеми участниками на ужине в кают-компании все происходило, как всегда. Будто совсем ничего не случилось. Севастополь плохих не держит!

Микоша В. Я останавливаю время // Искусство кино. 2005. № 5, май.